«... У меня сейчас невероятный цейтнот» (Публикация писем Татьяны Ивановны Заславской 1972–1974 гг.)

Т.И. Заславская

Публикаторы Г.И. Репринцева, А.М. Никулин

Галина Ивановна Репринцева, кандидат педагогических наук, более 40 лет занималась научно-исследовательской и экспериментальной работой в системе Российской академии образования, руководила лабораторией социально-педагогических проблем семейных отношений в Институте социальной педагогики РАО (Москва), за заслуги в области педагогических наук награждена медалью К.Д.Ушинского. E-mail:1946gir@mail.ru

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Чаяновского исследовательского центра Московской высшей школы социальных и экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Публикуемые письма академика Татьяны Ивановны Заславской (1927–2013) относятся к периоду ее жизни в Новосибирске и работы в Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР (в настоящее время ИЭОПП СО РАН).

В письмах запечатлена хроника размышлений и переживаний Т.И. Заславской о проблемах и конфликтах в советской науке, о парадоксах экономики, культуры, образования, быта советского общества первой половины 1970-х годов. Чрезвычайно интересными являются в этих письмах личностные оценки и характеристики, данные Т.И. Заславской многим ее современникам — коллегам по науке, деятелям политики, искусства и культуры. Наконец, в письмах раскрывается облик и самого их автора — женщины сильной и талантливой, трудолюбивой и жизнелюбивой, любознательной и дружелюбной, нежной и ранимой, остро переживающей проявления несправедливости и грубости, фальши и глупости в окружающей действительности.

Адресат этих писем — друг Татьяны Ивановны Заславской Соколовский Юрий Ефимович (1927–1984) — кандидат педагогических наук, доцент Московского государственного института культуры, культуролог, глубокий знаток историко-культурного наследия Москвы, крупный исследователь психолого-педагогических проблем художественного творчества населения, а также организации и развития сельских и городских культурно-просветительных учреждений.

Тексты писем предоставила для публикации в журнал «Крестьяноведение» Г.И. Репринцева — вдова Ю.Е. Соколовского. Подготовку к печати и составление комментариев осуществили Г.И. Репринцева и А.М. Никулин.

Ключевые слова: Заславская Т.И., советское общество, наука, социология, экономика, культура, Академия наук, Новосибирск, Москва, сельская Россия

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-3-78-139

Новосибирск, 4 декабря 1972 г.

...Вот уже полтора суток нахожусь на своей сибирской земле, радуясь настоящей сибирской зиме с ее сугробами, и синим небом, и солнцем, и вьюгами, постепенно включаюсь в калейдоскоп местных дел...

...За время пути сменялись три мои соседа: моряк, отправлявшийся в отпуск из Норвегии после 9 месяцев «загранки», литейщик из г. Балхаш, ездивший хоронить отца, а потом демобилизованный из армии парень, следовавший в г. Братск. С каждым вела интересные разговоры. Моряк раскрыл мне весь «экономический механизм» оплаты и стимулирования труда при заграничных плаваниях, одновременно продемонстрировав те уродливые преобразования психики, которые возникают у полудикого человека (рабочая семья в малом северном городе), неожиданно попадающего под влияние западной цивилизации. Это было по-настоящему любопытно и в то же время — грустно до боли. Чисто внешне тончайший слой культуры, не распространяющийся даже на одежду (ты ведь видел его мельком, м.б., помнишь, какой страшный и негармоничный вид он имел? Все «заграничное», чем очевиднее заграничное, тем лучше, а в то же время и дешевое, и какое-то пестрое), глубокое презрение ко всему российскому, в том числе и к самому себе до загранки («А что? И я таким же мог быть, такою же шпалою вырос»), готовность беспрекословно следовать всем нормам поведения за рубежом, смертный страх перед лишением права ходить в загранку, а главный смысл этих норм — изоляция моряков от контактов с зарубежной культурой. Отсюда — сохранение дикарского невежества по отношению к странам, где бывал, и в то же время — глубокая эрудиция во всем, что касается курса валют, чеков, бонов и др. экономических атрибутов. Что за личность сформируется в результате всего этого — бог весть.

Интересно мне было поговорить и с литейщиком, который 6 лет как переехал в Балхаш из г. Шахуньи возле Кирова, где был помощником машиниста электровоза. Родился и жил на Севере, переехал с женой и 3 детьми на юг. Был помощником машиниста, чему с отрывом от производства обучался около года, стал литейщиком после 10-дневной «приглядки». Получал 145 руб., стал получать — 200, плюс к тому — квартира. Но главное, что заставило уехать, — тяжелый психологический климат в депо, систематическое сокращение штатов, угроза увольнения и связанная с этим обстановка диктата, неуважение к личности человека. Спрашиваю: «У вас кто-нибудь был в Балхаше? Почему именно туда поехали?» «Нет, никого не было. А почему туда? Даже не знаю. У нас из Шахуньи все почему-то едут в Балхаш. Как кто-нибудь поругается, или дома плохо, так и говорит: поеду в Балхаш! В Балхаше кругом наши живут из Шахуньи». Вот тебе и механизм «элементарного акта миграции», о котором я не раз писала, вот тебе и «мотивированное решение». И это — довольно частое явление. Когда мы составляли списки мигрантов в селах, то сталкивались не раз

с тем, что из какой-нибудь Петровки все как один едут только в Актюбинск, а из соседней Ольховки — в Петропавловск-Камчатский.

Впрочем, то, о чем быстро и интересно рассказывать, оказывается, довольно долго писать. Поэтому братского парня отставим в сторону...

Потом весь вечер общалась с Инкой[1], которая замещала меня по сектору и теперь ввела в состояние дел. Состояние это, кажется, среднее. Особых катастроф не произошло, но частных конфликтов — масса, и каждый требует вдумчивого решения, иначе он превращается в снежный ком и ведет к катастрофе. В чем заключаются эти конфликты? Вот несколько примеров.

В отделе более 4 лет работает слепой математик-логик И.С. Ладенко[2], очень талантливый, канд. филос. наук, и очень хороший, открытый для всех человек. Работает он гораздо продуктивнее зрячих, потому что не отвлекается ни общественной работой, ни заседаниями, а рабочий день у него — 14 часов ежедневно. В проблемы нашего коллектива — трудовые ресурсы — входил с трудом, но все же вошел, и недавно закончил книгу «Системный анализ воспроизводства трудовых ресурсов» — 20 п.л. Она в плане наших изданий, он хотел бы защищать ее как докторскую. Вроде бы сказка со счастливым концом. Но... За время моего отсутствия завсектором Е.Д. Малинин[3] отказался быть научным редактором книги и даже вообще читать (!) ее. Это после того, как в его секторе человек 4 года получал деньги за эту работу. Рецензент к.э.н. Ф.М. Бородкин[4] дал резко отрицательный отзыв на книгу, а другой рецензент — к.э.н. Калмык[5] столь же резко положительный отзыв. Ладенко справедливо говорит о том, что если отдел не признает его работы, он будет вынужден уволиться, а для него это — трагично. И вот по выходе на работу мне надо встречаться с каждым участником «драмы». Выяснять точки зрения, искать решения и, разумеется, читать саму книгу.

Второй конфликт, с которым уже сегодня пришлось полтора часа разбираться, хотя и праздник, касается аспиранта. Месяц назад мы с большим трудом добились его распределения в отдел,

1. Рывкина Розалина Владимировна (1926 г.р.) — социолог, доктор экономических наук (1979), до середины 1960-х годов преподавала в новосибирских вузах, затем 25 лет работала в отделе социальных проблем ИЭиОПП СО АН СССР, соавтор Т.И. Заславской, автор работ по социальной мобильности и образу жизни сельского населения.
2. Ладенко Иосаф Семенович (1933–1996) — доктор философских наук (1980), профессор (1984), действительный член РАО (1992), в 1968–1984 сотрудник ИЭиОПП СО РАН, автор работ по логике и методологии науки.
3. Малинин Евгений Дмитриевич — доктор социологических наук, профессор, с 1965 — заведующий сектором в ИЭиОПП СО АН СССР.
4. Бородкин Фридрих Маркович (1934–2007) — доктор экономических наук (1976), с 1988 по 1995 возглавлял Отдел социальных проблем ИЭиОПП, зав. кафедрой социологии НГУ, специалист в области социальных конфликтов и местного самоуправления.
5. Калмык Валентина Абрамовна (1927 г.р.) — кандидат экономических наук, в 1962–1988 работала в ИЭиОПП СО АН СССР.

а сейчас он отказывается работать с Малининым. Малинин отказывается от научного руководства и требует, чтобы тот уволился. Мотивировки, естественно, разные, т.е. каждый излагает дело так, что прав он, а не прав другой, причем расходятся факты, поддающиеся проверке. Надо читать презентацию Волина, говорить с Малининым, говорить с дирекцией и снова искать выход из положения: парень талантлив, а Малинин — ...извини за грубое выражение, а И.С. Ладенко... очень хороший и открытый для всех человек.

...Молодежь отдела недовольна тем, что в последние годы мы не занимаемся применением новых математических методов.

...Стажер-исследователь, с отличием окончивший математический факультет и распределенный в отдел летом, собирается увольняться.

...Сотрудники сектора ворчат, что устали от бесконечного кодирования и не имеют перспектив роста.

...Талантливые ученые Лебедев и Герчиков[6] хотели бы работать у нас, существенно потеряв в зарплате, в силу заинтересованности в проекте, но дирекция не дает для них вакансий. И т. д. и т. п. до бесконечности.

Такова моя жизнь, и, как видишь, в ней не так уж много творчества, больше тяжелых будней и той самой изматывающей усталости. Наверное, она — не очень женская, эта руководящая работа, нужно немалое мужество, чтобы принимать окончательное решение, которое неизбежно ударит по какой-либо стороне конфликтующих. Но не принимать решений, уклоняться от них, как это делает Малинин (с Ладенко, да и вообще повседневно), это ведь еще хуже, это вызывает презренье.

Новосибирск, 8 декабря 1972 г.

Не знаю, что будет дальше, смотря (а может быть, даже благодаря) по тому шквалу дел, который, конечно же, обрушился на мою голову по приезде в Новосибирск. Их так много этих дел, и они такие сложные, и многие из них такие противные и «бездушные», что как-то становится нечем дышать, хочется выбраться из-под этой лавины, оглянуться вокруг и хоть ненадолго приобщиться к общечеловеческим ценностям.

Стоит немного расслабиться, размагнититься, как сразу перестаешь справляться с обязанностями, выходишь из трудового ритма и начинает тебя болтать и трясти. А оно — неприятно. Это — на качественном уровне, но есть еще и чисто количественный: чем боль-

6. Герчиков Владимир Исакович (1938–2007) — доктор социологических наук, профессор, в 1968–1971 — лаборант Отдела социальных проблем ИЭиОПП СО АН СССР, автор работ по теории и практике управления человеческими ресурсами, мотивации и стимулирования труда.

ше времени я провожу в Москве, чем чаще бываю в командировках (а мне так хочется сейчас в Москву!), тем больше запускаются дела в отделе, тем труднее их становится расхлебывать и меньше времени остается на спокойное творчество. Вот сейчас, например, между командировками, наверное, вообще ни разу не присяду к столу для фундаментальной работы. Рецензии, отчеты, студенты, аспиранты, спецкурсы, программа разработки данных, кодификаторы, редактирование сборника и пр. и пр.

Кисловодск, 29 декабря 1972 г.

Как хорошо жить! Сегодня утром занималась гимнастикой в общей группе, с хорошей нагрузкой каждая мышца работала, и так хорошо было ощущать, что тело еще достаточно сильно, достаточно гибко, что ему приятна нагрузка. Физическая радость бытия.

С таким же искренним удовольствием вкушала славный санаторский завтрак, все казалось таким вкусным, просто прелесть! Потом оделась в брюки, свитер и куртку и отправилась по своему любимому маршруту — так называемой «Косыгинской тропе»[7] до санатория «Пикет» и обратно. Вышла из ворот санатория и чувствую, что неприлично же так улыбаться, иду одна и улыбаюсь всему белому свету, а все равно не могу ничего сделать с собою, вот тут-то я и вспомнила цыганку, м.б., это она телепатически внушила мне данное состояние? Честное слово, оно необычно, что-то от гипноза в нем есть. Хочу перестать улыбаться, а не могу.

Солнышко светило ясное-ясное, небо было голубое, погода хорошая, безветренная. Не было никаких докучливых спутников, с которыми надо поддерживать разговор. И — полная свобода, иди, куда хочешь, хоть по Косыгинской тропе туристической, хоть до Синих камней. Думала и кое о чем размышляла. А потом случайно подняла голову, посмотрела на Синие камни и голубое небо над ними, увидела легкое облачко, окутавшее эти камни, и вдруг с такою остротой ощутила счастье, как будто жизнь моя зависела от того, чтобы увидеть эту дымку. Но не сумасшедшая? Нет, определенно заговорила меня цыганка!

Но в это время не было еще часу дня, а цыганка мне обещала избавление от всех печалей именно с часа дня. До тех пор я успела выспаться на раскладушке в холле, проснулась и поняла, что все хорошо, что счастье не в одноместной комнате, а во мне... А все остальное чепуха, зола и пшено. Хорошее слово «пшено», верно?

7. Неоднократно приезжавший на отдых и лечение в Кисловодск А.Н. Косыгин (1904–1980), занимавший пост Председателя Совета министров СССР в 1960–1970-е годы, останавливаясь в санатории «Красные камни» или на правительственной даче «Сосновый бор», любил совершать длительные пешие прогулки, избрав для себя уединенную тропу в стороне от известных туристических маршрутов. Тропу прозвали «Тропа Косыгина».

Такое смачное, просто прелесть! Ну вот, значит, прогуляла я 2,5 часа, прошла 10 км, устала очень.

Потом пришла и целый день читала «Солдатами не рождаются»[8] и кончила наконец. Шедевром не назовешь, но в некоторых вопросах пытается разобраться. Интересная, конечно, линия Сталина, хотя и подана половинчато. Но разве можно сейчас иначе? Это и то уже — целый подвиг. Теперь хочется чего-то глубокого, философского. Наверное, стану перечитывать «Анну Каренину», ибо лучше все равно ничего ведь нету, а я ее лет 10 уже не читала, и Чехова. Скоро начну и работать, м.б., даже уже сегодня.

Вчера смотрела неплохой румынский фильм «Всего один месяц». Я бы даже сказала — хороший. Прекрасно смотрится, очень хорошие съемки, и небезынтересная идея. Красивый сорокалетний мужчина (врач) впервые в жизни по-настоящему сильно влюбляется в женщину. Все идеально: взаимная страсть и любовь, оба свободны, красивы, молоды. Однако он оставляет ее именно потому, что впервые влюбился и тем самым потерял ту свободу, которую привык считать главной ценностью. Сделано все это не грубо, с должными акцентами и полутонами, но суть дела такова, как я сказала. Я думаю, что это не столь редкий случай, как может на первый взгляд показаться. Многие мужчины боятся сильных чувств, ибо без них спокойнее и свободнее, у женщин же психология другая, откуда и вытекает масса конфликтов.

Слишком «разнеживаться» себе не позволяю. Вот героиня вчерашнего фильма уж на что была стреляной-недоверчивой, а все же разнежилась в конце концов, а тут ее дубинкой по голове и «бац»! Да и герой не того ли боялся, чтобы оказаться зависимым, а потом в свою очередь получить по голове дубинкой?

От самой себя все равно никуда не денешься. Да, жизнь научила меня недоверчивости. Да, я знаю, что такое боль и не хочу иметь ее слишком много. И, к сожалению, я имею слишком тонкую кожу, чувствительную к каждому дуновению ветерка, а не только к хорошей плетке. Вот и приходится в меру возможностей мастерить предохранительный панцирь наподобие черепахи... Много времени и много сил придется затратить тому, кто захочет внушить мне то полное и безграничное доверие, которое несколько лет назад представлялось мне естественным отношением к людям.

Дата не установлена

...Паша[9] рассказал мне кое-какие новости из жизни института и его представителей. В частности, он сообщил мне о том весьма стран-

8. Симонов Константин Михайлович (1915–1979) — советский поэт и писатель, автор романа «Солдатами не рождаются» (1964).

9. Олдак Павел Григорьевич (1923–2011?) — доктор экономических наук, профессор, в 1962–1971— научный сотрудник ИЭиОПП СО АН СССР,

ном положении, в котором находится сейчас Абел[10]. Как известно, он собрался в отпуск одновременно со мной, т.е. в середине августа. В первых числах августа его стал разыскивать Келдыш[11] с целью срочного вызова в Москву. Уже тогда нас удивило чисто мальчишеская попытка Абела «скрыться», спрятаться от Келдыша. Находясь еще в институте, но собираясь на конференцию в Тюмень, он велел Можину[12] ответить, что уже улетел и что адрес его в Тюмени неизвестен. Можин это выполнил, но был недоволен, потому что это выглядело несерьезно. Действительно, в Тюмени его разыскали, передали указание прибыть в Москву, и первого августа он туда выехал, как полагал, на четыре дня. Однако он не вернулся ни через четыре дня, ни к началу предполагавшегося отпуска, ни до сих пор, хотя прошло уже полтора месяца, причем сроки его возвращения все еще неизвестны. Зоя говорит, что он никогда еще не был в столь тяжелом психологическом состоянии, когда он звонит ей по телефону, то, по ее словам, ПОЧТИ ПЛАЧЕТ, хотя он издавна гордился толщиной и непробиваемостью своей «шкуры», неуязвимостью для эмоций. В чем же дело? Оказывается, вот в чем. Келдыш ПСИХИЧЕСКИ БОЛЕН. Одним из пунктов, вокруг которых крутится сейчас его больная мысль, является разработка экономической перспективы до 1990 г. Для этого он создал рабочую группу под руководством Федоренко, куда вошли несколько человек, в том числе и Абел. Но руководить работой группы Келдыш пожелал лично, стал вникать во все, в чем он ничего не понимает, давать противоречивые указания, «редактировать» и т. д.

Не сразу они поняли, в чем дело, хотя, видимо, кое-какие подозрения у Абела уже имелись раньше. Короче, все постепенно под разными предлогами стали из комиссии смываться. Остались Федоренко[13] и Абел. Затем Федоренко достал больничный и лег в Кремлевку. Остался один Абел, и он уже никакими путями не может вы-

---

в 1971–1972 — заведующий лабораторией в Бурятском филиале СО АН СССР, в 1974–1978 — в Институте мерзлотоведения СО АН СССР, в 1973–1993 — завкафедрой политэкономии НГУ, автор работ по проблемам взаимосвязи общественного производства и природных систем.

10. Аганбегян Абел Гезевич (1932 г.р.) — доктор экономических наук (1963), член-корреспондент АН СССР (1964), академик АН СССР (1974). Директор ИЭиОПП СО АН СССР в 1966–1984, автор работ по проблемам производительности труда, экономико-математическим моделям перспективного планирования.
11. Келдыш Мстислав Всеволодович (1911–1978) — советский ученый в области прикладной математики и механики. Президент Академии наук СССР (1961–1975).
12. Можин Владимир Потапович (1929–1996) — доктор экономических наук (1972), профессор (1977), академик ВАСХНИЛ (1982), автор работ по социально-экономическим проблемам села.
13. Федоренко Николай Прокофьевич (1917–2006) — ученый-экономист, организатор экономической науки, академик АН СССР (1964), первый директор ЦЭМИ АН СССР (1963–1985), автор работ по проблемам оптимально-

рваться из этой мышеловки, потому что это означало бы закрытие комиссии. Дело дошло до того, что он поехал в ЦК КПСС и в отчаянии стал просить, чтобы его освободили. На что ему ответили: «Абел Гезевич, президент болен, и президент Вам верит. Мы просим Вас не раздражать его, идти ему навстречу. О том, чтобы просто уехать, не может быть речи. Единственное, что можем вам посоветовать, это просить жену достать медицинские справки о тяжелой болезни кого-нибудь из близких». И вот теперь Зоя пытается достать такую справку либо о себе, либо о ребенке, но не уверена, что это удастся. Все-таки телефонный разговор с Абелом — ненадежная основа для получения фальшивой медицинской справки.

Так вот, Лопушенок, до недавнего времени бывший правой рукой Лаврентьева[14], а недавно в наказание за что-то переселенный из коттеджа в простую квартиру, рассказал следующее. Происшествие с Войцеховским[15] отражает развитие глубокого конфликта, существовавшего между Марчуком[16] и Лаврентьевым. Инициатором расследования этого дела и вдохновителем беспристрастного следствия был Марчук, вроде бы надеявшийся бросить таким путем тень на своего шефа. Вначале он полностью преуспел, что и нашло отражение в исключении Войцеховского из партии и возбуждении уголовного дела, но затем старик включился на полную мощность, чуть ли не месяц не выходил из ЦК, и в результате дело Войцеховского полностью закрыто. В партии он восстановлен, руководителем института он остается. Положение же Марчука в этих условиях, напротив, стало невыносимым, иными словами, его карта бита, и теперь он вынужден уехать. Якобы это — вопрос короткого времени. Вот тебе и «вариант Марчука», вот тебе и его поддержка, вот тебе и его обещания. Все это виснет в воздухе, а с Лаврентьевым иметь дело очень трудно, часто у него бывает неадекватная реакция, сказывается и возраст, и трудный характер. В свете моих современных намерений «вариант Марчука» все равно мне не светит, так что я не так уж сильно расстраиваюсь. Но если Марчук

го функционирования народного хозяйства, применению математических методов и ЭВМ в планировании и управлении.

14. Лаврентьев Михаил Алексеевич (1900–1980) — советский математик и механик, основатель Сибирского отделения АН СССР (СО АН СССР) и Новосибирского Академгородка, академик АН СССР (1946), вице-президент (1957–1976) АН СССР.
15. Войцеховский Богдан Вячеславович (1922–1999) — доктор физико-математических наук (1961), академик РАН (1991), лауреат Ленинской премии (1965), в 1965–1973 гг. — заместитель директора Института гидродинамики СО АН СССР.
16. Марчук Гурий Иванович (1925–2013) — советский и российский ученый в области вычислительной математики, физики атмосферы, геофизики, профессор, доктор физико-математических наук, Президент Академии наук СССР (1986–1991), в 1969–1975 — заместитель председателя Президиума СО АН СССР.

уедет, мои позиции в институте, бесспорно, ослабеют, потому что прямой выход у меня был именно на этого человека. В общем, все идет в одну сторону.

Правда, от Руткевича[17] по-прежнему нет ни слова, хотя известно, что все это время он был в Москве. Что касается Федоренко, то у него как будто бы крупные неприятности. Дело в том, что 12 ведущих сотрудников ЦЭМИ — евреи, уехавшие вроде бы в Израиль, в действительности обосновались в Италии, где для них организован специальный институт, своеобразный «филиал ЦЭМИ», работающий на другого хозяина. Сейчас туда уезжают еще два ученых, в том числе Арон Кацинелинбойген[18], идеолог ЦЭМИ и создатель его теоретической концепции. Формально, конечно, он едет в Израиль, но фактически все понимают, куда. А так как евреев в институте — пруд пруди, то неизвестно, когда остановится этот крайне неприятный процесс. От одного этого Федоренко мог слечь в больницу. Беда заключается в том, что в свое время его предупреждали о необходимости «улучшения» состава кадров, но он не послушался и брал людей, умеющих хорошо работать. И вот — расплата. Жалко его, и трудно предсказать, чем это кончится. Усидит ли он на посту академика-секретаря и даже директора ЦЭМИ? Если же нет, то это будет совсем другая организация, и кто может знать, какая именно. Мне сообщили также, что на пост завотделом социологии ЦЭМИ (о котором я могла бы думать) претендует Наташа Римашевская[19] (соавтор Гордона[20] по одной из книг), специалист по доходу и потреблению, недавно защитившая докторскую диссертацию. Конечно, в социологии мои позиции сильнее, но она — старый работник ЦЭМИ, пользуется там авторитетом, и в то же время — крайне нелюбима в связи с жестокостью, карьеризмом и даже коварством. Вступать в борьбу с такой женщиной — опасно, ибо она не погнушается никакими средствами, не хотелось бы мне стоять на ее пути. В этих условиях даже открытая борьба с Руткевичем по некоторым принципиальным вопросам может быть более приемлемой, нежели

17. Руткевич Михаил Николаевич (1917– 2009) — доктор философских наук (1961), член-корреспондент АН СССР (1970), директор Института социологических исследований АН СССР (1972—1976), председатель правления Советской социологической ассоциации, автор работ по структуре советского общества.
18. Каценелинбойген Арон Иосифович (1927–2005) — доктор экономических наук (1966), в 1960-е гг. руководил Отделом комплексных систем в Центральном экономико-математическом институте АН СССР.
19. Римашевская Наталья Михайловна (1932–2017) — доктор экономических наук, член-корреспондент РАН (2003), директор Института социально-экономического прогнозирования АН СССР, автор работ по планированию и прогнозированию жизненного уровня населения.
20. Гордон Леонид Абрамович (1930–2001) — советский и российский историк, социолог и политолог, доктор исторических наук, в 1966–1991 гг. работал в Институте международного рабочего движения АН СССР.

работа в условиях тайных интриг, сплетен, наушничества и т. д. Я имела немножко этого «богатства» здесь, и должна сказать, что ничего ужаснее быть не может...

Новосибирск, 6 января 1973 г.

...В этот раз представила себе милую мне квартиру на Пятницкой, полную милых мне людей, и стало как-то тепло на душе. А вообще на душе у меня довольно холодно и одиноко... А тут еще нет и ближайших подруг, один Паша остался, но это не то.

Очень много работаю. С Нового года завела себе новый роскошный дневник, где фиксирую выполненную работу, число отработанных часов, прочтенную литературу, виденные фильмы, а также выданные и полученные долги. Удобно и поучительно. Средняя продолжительность чистой работы, включая субботу, пока получается 9 часов. Это неплохо. Да и работа ощутимо движется. Сегодня, например, кончила работу над докладом по демографии, написала за 2 дня 17 страниц. Сейчас жду аспиранта Насонова для тяжелого разговора на тему «ЧТО ДЕЛАТЬ?»...

Санаторий. Кисловодск, 8.1.73 г.

...Итак, сообщаю тебе последние санаторские новости.

Первое. Приехал Владимир Солоухин[21] с двадцатилетней девочкой (ему — 48). Я по наивности своей приняла ее за дочь, но была жестоко осмеяна собеседниками. Говорят, то ли жена, то ли замещающее ее лицо. Скорее последнее, ибо оба ведут себя чрезвычайно смущенно. Подумываю о том, не познакомиться ли с ним заново, но что-то неохота «навязываться», может, случай сведет. А знаю его с 1945 года, когда в подвале Политехнического музея работала студия молодых поэтов, открытая для посетителей. Мы ходили туда с Майкой[22] и еще одной подругой Леркой каждый вторник на протяжении года, пока не закрыли, хотя мы и не сочинили в жизни ни одного стиха. Сочинять не сочиняли, а стихи любили и знали, и занятия в студии добавляли нам наслаждение. Наиболее выдающимися студийцами были Семен Гудзенко[23], Александр Межиров[24],

21. Солоухин Владимир Алексеевич (1924–1997) — писатель, поэт, видный представитель «деревенской прозы».
22. Черемисина Майя Ивановна (1924–2013) — старшая сестра Татьяны Ивановны Заславской, советский и российский лингвист, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН, глава новосибирской синтаксической школы.
23. Гудзенко Семен Петрович (1922–1953) — поэт и журналист, военный корреспондент.
24. Межиров Александр Петрович (1923–2009) — поэт и переводчик.

Владлен Бажанов, Владимир Солоухин, Элька Мандель (ныне Наум Коржавин)[25]. И были и дураки-тупяги типа Александра Казанцева[26]. Все они стали потом известными поэтами. Да, еще была Юлия Друнина[27]. Ну вот. Я Солоухина прекрасно помню, потому что он был курсантом кремлевского училища, большой, нескладный, на голове белый ежик, глаза чуть выпучены, а стихи — стихи он уже тогда писал прекрасные, сильные, свежие, упругие и глубокие. Словом, мы его тогда любили, а он, естественно, нас знать не мог, ибо мы никогда не выступали, а только слушали. Они нас звали «три грации», потому что мы обычно приходили втроем. Потом студию закрыли, и я надолго потеряла его из виду, потом он стал известным поэтом, затем писателем. И где-то в 1960 г. написал он книгу «Капля росы» о нашей родной российской деревне, которой я имею честь заниматься. Прочла я эту книгу в доме отдыха «Кабардинка» на берегу синего Черного моря и призадумалась. Много правды сказано автором о деревне, а ведь это все — полуправда, и наиболее острых вопросов он поднимать не решается, обходит их стороною. Еще раз перечитала — впечатление фальши усилилось. Тогда я взяла некоторое количество белой бумаги и написала тов. Солоухину длинное-предлинное и каверзное-прекаверзное письмо «как специалист специалисту». И смысл оного письма был таков: «Вы, уважаемый Владимир Иванович, прошли Владимирскую область пешком, да, кстати, в деревне родились и выросли, знаете ее не хуже меня. Так что же Вы темните, зачем замазываете самые главные для деревни вопросы, неужто в самом деле не видите, что дело не в индивидах, а в экономических отношениях?» Не думаю, чтобы получение этого письма было для него большим праздником, скорее наоборот. Но все-таки он позвонил мне на Пятницкую по указанному в письме телефону. Поблагодарил, сказал, что надо встретиться, что сейчас он очень занят, но уж как только освободится. Более, однако, он не звонил, да и я, естественно, инициативы не проявляла. Главное было сказано в письме, а остальное — его личное дело. И вот через 11 лет судьбе оказалось угодно посадить его через столик от меня в столовой санатория им. Горького. Интересно было бы потолковать с ним о судьбах деревни, но жаль его отпускного времени, пусть себе наслаждается жизнью со своей молодой спутницей.

Второе. Мой сосед по столу, о котором я уже писала, директор Института космофизики в Якутске, обладающий многими чинами и званиями, прочитал нам лекцию со слайдами «Осень в якутском Заполярье», а потом показал прекрасный фильм «Космофизика Якутии», сделанный для выставки «Сибирская наука» в Амстердаме. Все это было очень интересно и впечатляюще. Краски осе-

25. Коржавин Наум Моисеевич (1925–2018) — поэт, прозаик-публицист, переводчик, драматург.
26. Казанцев Александр Петрович (1906–2002) — писатель-фантаст, поэт.
27. Друнина Юлия Владимировна (1924–1991) — поэт.

ни просто необыкновенные, а Лена — это почти что море, причем голубое. Очень здорово! Этот человек вообще мне очень нравится, как и я ему, так что за столом мы обычно разговариваем с ним вдвоем. Третий товарищ — некто Антон Владимирович из МИДа — держится несколько таинственно и говорить с ним трудно. О чем говорить, если не о работе, а у него работа секретная, ну и пусть сидит со своими секретами! Так он сегодня мне прямо с обидой в голосе сказал: «Что-то Вашего постоянного собеседника нету?» Зачло, значит. Ну ладно. Я уже писала, что Юрий Георгиевич[28] очень-очень маленького роста, а вчера я выяснила к тому же, что ему уже 64 года! И все-таки какой он молодец, как активно он отдыхает. Все время в компании, отбивает интересных женщин у мужчин, и не то что «отбивает», а как-то естественно «уводит», и они идут за ним, не оглядываясь назад. Когда он говорил мне, что мужики на него обижаются, я сперва не верила, отвечала: «Это Вам хочется думать, что они обижаются, для повышения собственного настроения». А потом убедилась, что он таки прав. А в чем его обаяние? В том, что он — человек дела, а не рефлексии, хотя, бесспорно, умный. Какая-то есть в нем внутренняя сила, энергия, какой-то работает неутомимый движок, что ли. И еще — скромный он. Фильм об Институте, а о директоре нигде ни слова, раза два мелькнул где-то на заднем фоне, ни фамилии, ничего. Это мне тоже понравилось, и я его похвалила. А вот говорит неважно. Всю беседу чего-то мекал и бекал.

Третье. Еще у нас один деятель читал лекцию о годе жизни в Японии, тоже со слайдами, но я об этом, кажется, уже писала тебе. Интересно было, хотя и несколько утомительно. Когда он дошел до Парижа, я ушла, устала. А сегодня в 17.30 опять «Клуб интересных встреч» — некто проф. Герасимовский рассказывал о своих впечатлениях от Гренландии и Исландии. Ну как не пойти? Интересно же.

Четвертое. Кончила читать Симонова и взялась за «Анну Каренину». Что за книга! Втягивает в себя как трясина, читала-перечитала, а так интересно, что никакая новая не сравнится! Вот кончу письмо и стану читать ее дальше...

Новосибирск, 19 января 1973 г.

...Сегодня день у меня был трудный, работа носит очень срочный характер, а тут постоянно приходится отвлекаться. В понедельник утром, т.е. послезавтра, обещала сдать большой раздел (1,5 п.л.)

28. Шафер Юрий Георгиевич (1909–1991) — советский космофизик, доктор физико-математических наук (1970), в 1962–1987 гг. директор созданного по его инициативе Института космофизических исследований и аэрономии при Якутском филиале (ЯФ) АН СССР.

в коллективную монографию института «Экономические проблемы развития Сибири», раздел, в миниатюре отражающий результаты всей работы нашего сектора. Первый вариант его написал Ладенков[29], но, как всегда, он никого не удовлетворил, и Можин и Абел признали раздел очень слабым и поручили мне написать его заново (разумеется, сохранив имя Ладенкова). Ну вот и пишу. Мы одни остались, и они ждут нас уже недели три, больше, кажется, нельзя уж тянуть. Я собрала весь материал, получается и самой интересно, и с сегодняшнего дня начала писать. За 3 дня полтора листа — значит, в день надо писать страниц 12, а я сегодня написала 10. Но все-таки день нынче был рабочий, а впереди — суббота и воскресенье, хоть телефонных звонков не будет, а то успеваю написать одну фразу, и опять звонит телефон (это тебе не то что в праздники, когда он, гад, молчал, как убитый!)...

20 января, 16 час.

...У меня сейчас невероятный цейтнот. Я уже писала тебе об этом разделе в коллективную монографию, который я должна сдать завтра утром. Я полагала, что его объем составит 1,5 п.л., или 36 машинописных страниц. Ценой огромных усилий написала 32 страницы, и к вечеру, конечно, выполнила бы всю норму. Но, увы, впереди еще два больших раздела, страниц на 16–20 вместо 4. Значит, не успею. А между тем завтра приезжает Леночка[30], так что с часу дня работы, видимо, уже не будет. А кроме того, ведь и готовый текст не только не отредактирован, но и не прочитан. Кто его знает, что там получилось? Наконец, сегодня мне следовало бы заняться и уборкой квартиры к приезду дочери, и кулинарией, поскольку необходимые для этого продукты своевременно приобретены. Хотела испечь пирог, сделать гуся, которого Леночка заказала по телефону, сварить брусничный кисель и проч. А теперь просто нахожусь в какой-то растерянности, не знаю, как выходить из положения. В принципе до конца дня я, наверно, могла бы написать еще стр. 8, т.е. один из двух остающихся разделов, но это потребует огромных усилий, п.ч. уже написано 8 стр. и голова немного устала.

В этот приезд со мной вообще творится что-то странное. С одной стороны, чувствую себя не очень хорошо, плохо сплю, утром шатаюсь от усталости и т. д. С другой же, если посмотреть, что я за это время сделала и еще собираюсь (= должна) сделать, то оторопь берет, уж больно много. Это — та самая «пора урожая», о которой я говорила. Несмотря на общую усталость, мне очень легко писать сейчас, п.ч. вся предварительная работа проделана, и это оказывается «чистое» писание, оформление готовых идей...

29. Ладенков Василий Николаевич — кандидат экономических наук.

30. Леночка — старшая дочь Татьяны Ивановны Заславской.

...Ты не представляешь себе, до чего хорош городок, особенно летом, особенно — для отпускников. Удивительное сочетание моря, пляжа, леса со всеми удобствами современного обслуживания и домашнего комфорта. Летом городок наполнен отдыхающими...

Кстати, сообщаю тебе новую классификацию семейных состояний, разработанную моей сестрой по мотивам многих закрытых вопросов социологических анкет:

Скажите, пожалуйста, каково Ваше семейное положение? Используйте следующие ответы:

глубоко женат
женат
скорее женат, чем холост
скорее холост, чем женат
холост
глубоко холост
не знаю, не думал об этом

Быстренько проиграв эту классификацию на знакомом люде, мы тут же выявили нескольких «глубоко женатых» мужчин. Признак глубоко женатого мужчины заключается в том, что даже с любовницей он разговаривает о своей жене...

Новосибирск, 10 февраля 1973 г.

...Я в молодости была отчаянной атеисткой, не просто не верила в Бога, но всею душой ненавидела церковь, ее учение, ее служителей. Они казались мне бесконечно фальшивыми, профессиональными носителями лжи, жадными обирателями бедноты, не более. И в странном противоречии с этой корыстью и ложью находились строгие лица святых, несущие в себе некую высшую правду. Наверное, мне было лет 20, когда я как-то особенно глубоко и «лично» полюбила Владимирский собор, роспись которого одновременно глубоко религиозная и... современная, что ли. Она была мне близка, и, когда я часами бродила по собору, жадно вглядываясь в лики святых, мне казалось, что где-то рядом — четвертое измерение, делающее жизнь подлинно объемной, а мне туда нету входа, я слепая и глухая. Словно что-то огромное живет и дышит рядом, что-то такое, что может определять все существо, весь смысл твоей жизни, а ты не знаешь, не понимаешь, не чувствуешь. Под влиянием этого потрясения я написала большое письмо парню, с которым тогда дружила. Это было начало 1948 года, и позже он сказал, что я должна ему быть благодарна: он сохранил письмо у себя, не передав его в партбюро. Кстати, этот парень — тот самый Котька Калушер[31], который так тяжко болен сейчас и за которым самоотверженно ухаживает жена, помнишь, я рассказывала тебе эту ис-

31. Константин Калушер — студенческий друг Т.И. Заславской.

торию. Котька был хорошим парнем, но он уже тогда был коммунистом, и мое «богоискательство» его глубоко возмутило. Потом мы вместе над этим смеялись: «молодо-зелено», а сейчас я не знаю, было ли там над чем смеяться.

Наше государство отняло у людей религию, но сделало ли оно благо, вот один вопрос. Эта душевная опустошенность, это всеобщее пьянство, растущий алкоголизм, преступность, венерические заболевания — не являются ли они результатом того, что определенные ценности оказались потерянными, а заменить их было нечем? Кто читает заповеди «морального кодекса строителя коммунизма»? Кто их в силах запомнить? Кого они могут успокоить, утешить в глубоком горе, в трудные минуты жизни? Вот и тянутся люди в церковь, их вера подорвана, верить — стыдно, и получается все же не то: а второй вопрос заключается в том, можно ли вообще отнять у человека религию, т. е. истинная ли это акция в каком-то смысле слова. Если религия — только обман, то, конечно, освободить от обмана можно. А если нет? Ни один разумный человек уже в XIX веке не верил в Бога Саваофа, сидящего на облаке и окруженного херувимами. Но сколько не просто разумных, а гениальных людей были убеждены в существовании Бога, как того самого «четвертого измерения», о котором мы можем разве только догадываться. Перечитывая «Анну Каренину» в этот раз в Кисловодске, я особенно внимательно, даже придирчиво штудировала места, связанные с религией и переходом Левина от безверия к вере. И мне показалось, что я поняла основную мысль Толстого, она дошла до меня не только на интеллектуальном, но и на эмоциональном уровне. Не хочу сказать этим, что верю в Бога. Наверное, нет. Но очень-очень далека сейчас и от ненависти к религии и от хихиканий по поводу наивности верующих. Пожалуй, главное в моем отношении к этой проблеме — это острый, может быть, жгучий интерес и предчувствие ее огромной значимости для правильного понимания жизни. За текучкой дел некогда и задуматься-то серьезно, а задуматься, видимо, есть над чем...

На работе — трудности с разработкой информации, верстской книги о трудовой мобильности, обсуждение «Рубцовского проекта» (сектор Малинина) на Ученом совете института, экзамен студентов, обсуждение дипломных работ, распределение тем между сотрудниками сектора. Это все — текущее. А рядом с этим — указания Аганбегяна, чтобы освободить меня от всего и засадить за раздел «Трудовые ресурсы» к докладу Института о перспективах развития Сибири до 1990 г., письмо Федоренко с просьбой выступить в феврале с докладом на заседании Экономического отделения АН. Напоминание о лекции на международном симпозиуме развивающихся стран в августе, о докладе на московской встрече участников международного сельского проекта в апреле, приглашение в Канаду, Чехословакию, запросы на статьи в разные журналы. А еще — необходимость переработки сельского проекта, чтение диссертаций,

аспиранты и проч. На столе — целая гора бумаг, работ, папок, верстов, и как из-под нее выбраться, я не знаю...

...Жизнь невольно кажется полной горя и мерзости, лишенной какого-либо просвета. Рассказывали о том, что проректор НГУ Биченков[32], о котором я тебе говорила, наконец снят с работы. Взамен же его назначен некто Макаров, по сравнению с которым антисемит и черносотенец Биченков — это сверхинтеллектуал. Макарова характеризуют как «пьяную харю». И что после этого думать об академике Беляеве[33], ректоре университета? «Кто вы, товарищ Беляев?» Приличные люди перестают с ним общаться. Угнетающее впечатление производит снабжение городка, очереди, талоны и т. д.

Академгородок, 12 марта 1973 г.

Знаешь, мой самолет летел через Куйбышев, и во время стоянки я купила в киоске стереопластинку с песнями Эдиты Пьехи. Я очень люблю ее и могу слушать часами, как пьяница. А так как свободных часов нет, то слушаю минутами, но каждый раз получаю огромное наслаждение. Качество записи великолепное, моя «Вега-101», снабженная знаком качества, работает безукоризненно, и слушать Эдиту — это для меня настоящий праздник. А как ты к ней относишься? Тебе она нравится? Мне кажется, что она всегда «говорит» со слушателем о главном, в ее песнях нет ничего мелкого, никакой пошлости или сентиментальности, а дышит сама жизнь, такая сложная, и трудная, и прекрасная...

...Сегодня я первый день вышла на работу. Побыла в Институте часа два, ушла домой обедать и уже не вернулась: опять заболело сердце, напала слабость, головокружение. И вчера, и позавчера были небольшие боли в сердце. Наверное, невралгические. Все-таки нелегко дается мне эта огромная трудовая и нервная нагрузка.

Всю вторую половину дня пролежала, но зато прочитала три четверти диссертации, по которой должна выступать оппонентом.

Вечером Инна принесла новый (уже третий) вариант своей статьи в тот сборник, верстку которого читал Абел. Это совсем новая статья на 50 стр., и ее надо заново редактировать — дня 2 потратить. А что делать?

---

32. Биченков Евгений Иванович (1937–2005) — доктор физико-математических наук (1981), в 1967–1973— первый проректор НГУ, заслуженный работник высшей школы РФ.

33. Беляев Спартак Тимофеевич (1923–2017) — советский физик, академик АН СССР (1968), ректор Новосибирского государственного университета (1965—1978), автор работ по физике плазмы, квантовой теории, ядерной теории.

Потом пришли Люда Борисова[34] и Фред Бородкин, обеспокоенные моим намерением выделить их из сектора. Говорят: «Мы от вас никуда не уйдем, даже если будете гнать». Они по-настоящему близкие и преданные мне люди, я люблю их, и от них мне тоже передается тепло...

Академгородок, 16 марта 73 г.

Что сказать «по материалам твоего письма»? Рисуемая тобой картина... духовного и интеллектуального запустения грустна. Бедная страна, бедный народ. Бедный и материально, и духовно, и социально. Все, что связано с культурой, второстепенно, второсортно, никому в общем-то не нужно. И как хорошо, что в этих условиях все-таки не переводятся люди, считающие духовную культуру высшей ценностью, посвящающие ей жизни без расчета на материальные и социальные блага. Это удивительно, но это ведь — так. Ты сам — один из таких людей. Или Эйдельман[35]. Не знаю, сколько он получает, вряд ли много — кандидаты наук в гуманитарной области. И он говорил о том, как трудно печататься, годами лежат статьи в журналах и сборниках, и как трудно выехать в командировку для изучения периферийных архивов, и как бесконечно богаты, многообещающи эти архивы. Наверное, они не менее ценны, чем те собрания тибетских рукописей, что мы видели в «воспоминаниях о будущем», и их не надо расшифровывать, только читать. Но кому читать? Историки не нужны нашему государству. Они выпускаются всего в двух разновидностях: учителя для школ и преподаватели истории КПСС для вузов. Как-то мне попадались данные о структуре студентов по специальностям в США, Зап. Европы и СССР. Разница поразительная: у них на долю гуманитарных специальностей приходится более половины выпускников, а у нас около 10%.

А ведь в этом — характер цивилизации, требования социальной системы к образованию. Наша цивилизация — антигуманна или антигуманитарна, не знаю. А мы все-таки постараемся сохранить те ценности, которые ей чужды, не нужны. Читаешь ли ты «Час быка»[36]? Он — и об этом.

...я в основном уже выздоровела или выздоравливаю. Полное внутреннее расслабление и отказ от всякой работы на 2–3 дня сделали свое дело: нервные клетки все-таки как-то восстановились

34. Борисова Людмила Глебовна (1934–2004) — доктор социологических наук, автор работ по социологии образования, социологии личности.
35. Эйдельман Натан Яковлевич (1930–1989) — советский историк и писатель.
36. Ефремов Иван Антонович (1908–1972) — советский ученый-палеонтолог, писатель-фантаст, философ-космист, автор романа «Час быка» (1968).

(?). А было плохо. Дело тут вовсе не в сердце и не в давлении, это — внешние проявления. Самое страшное было — отвращение к работе, к Институту, к своим повседневным обязанностям. При мысли о заседании дирекции или чтении спецкурса студентам мне хотелось плакать, и я чувствовала, что не могу этого, не хочу до отвращения. Сейчас прошло. Вчера до 2 часов ночи просматривала разработочные таблицы пробного обследования 1971 г. Массив очень маленький — всего 335 человек, но анкета богатая, и совокупность таблиц, разработанных по одному признаку — полу, — в сочетании со всеми вопросами представляет маленькую, но социально острую поэму о сельском образе жизни и, в частности, о положении сельской женщины...

Академгородок, 23 марта

...Я словно сняла с себя стальные доспехи, расправила плечи, вздохнула широкой грудью и, наверное, оказалась, тем самым, разоруженная к внешнему миру. В душе у меня вроде бы Христово Воскресение, а в мире реальном люди пожирают друг друга, разевая пасти и на меня. Может, отсюда и этот нынешний срыв, это сознание невозможности жить по правилам этого мира, это ощущение измученности, загнанности, которого раньше, честное слово, не было. Я все-таки позволила себе «разнежиться», а здесь нужны зубы, зубы и зубы...

24 марта, суббота, 9 час. вечера 1973

...Как камень спала. В 7 часов просыпаюсь, дух в доме прямо-таки невообразимый. Аромат. Нектар. Встаю, иду в кухню. А там — роскошнейший пирог с палтусом, ни в сказке сказать, ни пером описать. А при нем, пироге то есть, Галя Рыбкина и... Валя Печенкина[37], лаборант. Я только глазами захлопала, но мне было сказано, что по части пирогов Валю никто заменить не может, и тут мы начали пить чай с пирогом. О достоинствах его писать не могу, ибо язык мой недостаточно образен. Молиться надо на такой пирог!

Наконец, часов в 9 они ушли, сообщив, что завтра (т.е. сегодня) дежурить будут Милена Азарх и Валя Печенкина, которые изготовят бигус из поросятины и кое-что еще, не менее достойное внимания, и кроме того, оградят меня от контактов с миром. Что же! Такой образ жизни мне, в общем, нравится, и я согласилась. Когда все ушли, я разлеглась на своем необычном ложе, составлен-

37. Печенкина Валентина Васильевна — выпускница экономического факультета НГУ (1972).

ном из двух тахт (?) и накрытом искусственной медвежьей шкурой (!), и стала читать новый роман Абрамова[38] в «Новом мире». Это — продолжение романа «Две зимы и три лета», который нравится мне очень сильно. Кажется, продолжение получилось слабее — конфликт (1951 год в деревне!) — очень внешний, весь лежит на поверхности. Все мы занялись изготовлением омлетов, кофе, а также травлением анекдотов. И должна я тебе сказать, что в процессе всей этой суеты, вроде бы смешной и вовсе не нужной, я как раз и выздоравливала, становилась сама собой, и уже весело смеялась над анекдотами.

Постепенно, однако, наш разговор перешел на более насущные дела, и я вынуждена была рассказать им о главном пункте, повергающем меня в прострацию своей неразрешимостью. Эта — ситуация с версткой сборника по трудовой мобильности, а точнее — с двумя статьями Рывкиной. Суть ситуации заключалась в следующем:

1. Верстка д. б. сдана в издательство не позже понедельника (26-го) или вторника (27-го) марта (разговор проходил 23-го).
2. Объем статей Рывкиной — около 4 п.л.
3. Обе статьи необычайно сырые, в сущности, неподготовленные к редактированию, с незаконченной авторской работой. Они требуют колоссального труда редактора.
4. К тому же обе они по тематике опасные, это — игра в мяч на минном поле, причем с завязанными глазами, ибо автор абсолютно беззаботен и лишен идеологического чутья.
5. Аганбегян уезжая сказал, что «моя подпись — это его подпись», т.е. он полностью мне доверяет и смотреть после меня не будет. Моя ответственность возрастает втрое.
6. Инка — мой лучший друг, и публикации этих статей очень для нее важны. Напротив, изъятие этих статей из сборника будет рассмотрено всеми недоброжелателями как скандал: «даже Заславская лично ничего не могла поделать и по требованию Аганбегяна сняла обе статьи!!! Ха-ха-ха! Хо-хо-хо!»
7. Статьи интересны в научном плане. Их изъятие обедняет сборник.
8. Рывкина находится в истерическом состоянии, говорить с ней как с человеком сейчас невозможно. Тем более трудно работать как с автором.
9. Моя трудоспособность ограничивается 2–3 часами работы в день, а это — 8–10 страниц ее текста из 80 всего объема. Мне нужно на редактирование ее статей 8–10 дней, а есть 2–3.

38. Роман «Пути-перепутья» (1973) писателя Абрамова Федора Александровича (1920–1983).

Словом, раскинули мы мозгами и — что же? Одну статью забрала для редактирования Майя[39], а другую — Люся Хахулина[40], обладающая жизненной логикой и собаку съевшая в вопросах трудовой мобильности. Тема ее диссертации — «Анализ понятийно-терминологического аппарата исследований трудовой мобильности». Отредактировать статью она может, я уверена, но как сказать об этом «позоре» Инке? Ей, ст. научн. сотруднику 40 с лишним лет, редактируемой аспиранткой!..

25 марта 1 час ночи

...Только что ушли Милена и Люся, которые приносили Инкину статью. Суждение Люси беспощадно: статьи нет, она соткана из противоречий, не менее месяца работы, но вряд ли идея стоит того. Идейка слабенькая, статья неудачная. Напротив, Майка к статье относится оптимистично, надеется довести ее до стадии, когда я могла бы включиться в работу.

Итак, час ночи, я на ногах, чувствую себя нормально, только режет глаза. Выписанные мне глазные капли почему-то не закапываю, наверное, потому что глаза болят редко. В общем, наверное, можно считать, что я уже выздоровела.

Кстати: собственноручно с помощью Оксаны я изготовила сегодня жаркое из поросятины и пирог, обойдясь без Милены, Люси и Вали. Этот Галин пирог меня так потряс, что я должна была повторить ее подвиг. В результате к нам стала применима пословица «не красна изба углами, а красна пирогами». Впрочем, по линии «углов» я тоже кое-что делаю. Подрубила и повесила в кабинете... серые занавески... Смотрятся просто великолепно и по-настоящему радуют меня каждый день. Удивительно подходят к обоям и сами по себе хороши. Удачные оказались занавески для кухни. Теперь, пожалуй, очередь за спальней, хочется сделать ее еще уютней. Даже Оксана[41] начала следить за своею комнатой, п.т. не на кого стало кивать, нет ни Леночки, ни папы.

Кстати, знаешь, у Леночки появилась возможность поехать летом в ГДР — Чехословакию на 20 дней. Стоимость путевки — 205 руб. — в моих возможностях, а мне очень хочется, чтобы она увидела свет с более широких позиций, как-то культурно подросла. Да и я таким путем вроде бы выполнила обязательство попутешествовать вместе с нею по Союзу.

---

39. Черемисина Майя Ивановна, сестра Т.И. Заславской.
40. Хахулина Людмила Александровна — кандидат экономических наук (1975), заместитель руководителя Левада-центра. До 1988 г. работала в Отделе социальных проблем ИЭиОПП СО АН СССР.
41. Оксана — младшая дочь Т.И. Заславской.

Получила письмо от тов. Руткевича с официальным приглашением на пост его заместителя и зав. сектором социального развития села. Это уже — документ, с которым можно работать...

Академгородок, 27 марта 1973 г.

...Вчера Майка выводила меня в свет: мы смотрели фильм «Точка, точка, запятая». Не знаю, хорош он или плох с художественной точки зрения, здесь мнения расходятся, но настроение создает чудесное и может быть рекомендован всем пессимистам. На реализм он вовсе не претендует, весь из себя он яркий, праздничный, энергичный, и так мило происходят в нем добрые чудеса, и самый замухрышистый ученик становится главным героем класса. Но я серьезно говорю, что авторы не претендуют на реализм, и это хорошо, что происходит чудо. Пусть они будут, эти чудеса, и пусть незаметным маленьким людям тоже светит когда-то удача...

А еще каждый вечер слушаю свой любимый стереофонический электрофон. Потихоньку покупаю новые пластинки, вот на днях купила «Щелкунчик» и два квартета Бетховена, а еще — Кобзона и Миансарову[42]. Но все же самая моя любимая певица — это Пьеха. Говорят, что она сентиментальна, а по-моему — нет, или не очень. Я ужасно не люблю сентиментальности, и в детстве, когда Леночка и Оксана еще неважно говорили, они время от времени укоряли друг друга: «Не симентальничай! Мама, она симентальничает!» А я говорила: «Не симентальничает, а сентиментальничает. Оксана, не сентиментальничай, это нехорошо!» Но это — лирическое отступление, а главное заключается в том, что Пьеха всегда говорит о больших человеческих чувствах, причем очень разных, но это — не сантименты, а чувства. На моей долгоиграющей пластинке есть великолепная песня о ревности, о счастливой поре любви, о поре разрыва, об одиночестве и неразделенном чувстве, о надежде на будущее. А вот песни о городах — Ленинграде и Москве — мне как раз нравятся меньше.

Из художественной литературы во время болезни кроме Абрамова прочитала только «Ковалевскую» из ЖЗЛ[43]. Сильная книга, горькая книга, книга, вызывающая на размышления. Только часть социальных условий, изуродовавших жизнь Ковалевской и сведших ее в могилу, ушла в прошлое. А как много осталось еще общих черт между ее и нашей жизнью — жизнь женщин, стремящихся заниматься наукой. И нигде это не проявляется с такой остротой, как

42. Миансарова Тамара Григорьевна (1931–2017) — советская и российская эстрадная певица.

43. Ковалевская Софья Васильевна (1850–1891) — российский математик и механик.

в области личных отношений... Не хочу никаких аналогий с Софьей и во многом отталкиваюсь от ее системы ценностей. Хочу богатства жизни и счастья, а наука чтобы — в том числе...

Академгородок, 2 апреля 1973 г.

...Не писала... уже несколько дней по одной причине: в пятницу наконец выпустили меня на работу. А утомляемость все еще остается большая. И хотя я пока провожу в Институте не более 2–3 часов, прихожу совершенно вымотанная и валяюсь без сил. Субботу и воскресенье по привычке пыталась загрузить работой: часа на 2–3 встретилась с аспиранткой, анализировали результаты стат. разработок наших данных, отредактировала пару статей в сборнике. Но устаю сравнительно быстро и как-то «напрочь». Что это за чертовщина, сама не знаю. В больничном написали много такого, в чем разобраться я не могу, а только поняла «астения» и «диадистрофия» и еще «вегето-дистонический синдром». Кто его знает, что оно все такое, но говорят, что это сейчас у многих и в общем-то предельная усталость перед летним отдыхом, когда люди оказываются как бы не в силах дотянуть последние месяцы. Сказывается и отсутствие витаминов, и суровость климата, и перегрузки. Правда, у меня был Кисловодск, но зато и множество «отягчающих обстоятельств», о которых не хочется вспоминать. Но в целом я уже здорово поправляюсь: первую половину дня чувствую себя хорошо, даже часов до четырех еще, потом начинается усталость, дома с 7 до 9 отдыхаю, а сейчас вот встала — и опять хорошо. Я как-то очень ощущаю эту «хрупкость» и «ненадежность» своего состояния и отнюдь не перегружаю себя работой. В пятницу, правда, прочла студентам лекцию, а это, конечно, нагрузка. Сегодня же только приняла несколько человек по неотложным делам, и уже в полшестого ушла домой.

...Две встречи заслуживают, чтобы о них рассказать. Первая была с Влад. Никол. Турченко[44], которого я хотела бы взять к себе в сектор на должность ст. научн. сотрудника для обеспечения темы «Образование». Аганбегян, если ты помнишь, обещал мне взять его, если я отдам Борисову, ныне выполняющую эту тему, в журнал «ЭКО». Беседовали мы часа 2, и впечатление осталось очень отрадное. Человек, который умеет и думать (генерировать идеи), и организовывать, и работать с эмпирическим материалом. К тому же — мужчина, что в моем женском секторе, ей богу, немаловажно, хоть в командировку можно послать; и сравнительно молодой — около 40. Довольно много печатных работ, только что вышла его статья в «Вопросах философии», на ру-

44. Турченко Владимир Николаевич (1928 г.р.) — доктор философских наук, профессор Новосибирского государственного педагогического университета.

ках верстка книги, выходящей в «Политиздате», — «Образование и научно-техническая революция». Проект наш он знает прекрасно и давно потихоньку с нами сотрудничает, так что тут долго говорить не надо было. Словом, он готов, и мне очень хочется его взять, а Абел вроде дал согласие. Как было бы хорошо, если бы это состоялось!!!

А потом приходил Малинин извиняться за содеянное. По-моему, он довольно сильно переживает. Говорил не так много, но вроде прочувствованно, и несколько раз одно и то же. Основной смысл — сожаление, что так поступил, и клятва, что никогда больше у меня не будет никаких неприятностей из-за него. Я переспросила: «Не буду больше болеть из-за Вас?» «Честное слово — никогда!» Я, конечно, не могла сказать ему, что все это ерунда и не стоит выеденного яйца, как говорила обычно, когда он что-нибудь переживал ставшее между нами. Сказала, что в моей болезни — хорошая доля его вины, но что поделаешь, сделанное не изменишь, и потому забудем все это, зла на него держать не стану. Говорила с ним очень спокойно, все-таки прошло уже полтора месяца, но какая-то была особая внутренняя усталость, не от болезни уже, а именно от него. Ведь он — ...клялся мне в своей преданности не раз, а потом предавал, а потом снова клялся — божился, и опять предавал — обычно по мелочам, а в последний раз чуть-чуть покрупнее. И вот сейчас — очередная клятва, которой он, несомненно, верит, а я — не верю, и он чувствует, что не верю, чувствует именно по этому выражению усталости и отчуждаемости, которого прежде не было. Интересно было бы все-таки знать, что у него внутри. Сложный он человек, сложный и страшный: сильный ученый и очень слабый, маленький человек...

Ну вот, пожалуй, и все о работе. Сборник редактируем вместе с Валей Калмык в четыре руки. Несколько статей уже напечатано. Жду твоей статьи, но ты, наверное, по-прежнему очень-очень занят. Миша Суховский[45] рассказал мне сегодня, что пристроил практически весь наш массив 1972 года (50 тыс. перфокарт) на фабрику механизированного счета 3-С железной дороги. Это будет стоить — 3-4 тыс. рублей, но делают они быстро и очень качественно, а наш институтский ВЦ за 2 месяца сделал 5 тыс. перфокарт, на всю работу ему понадобилось бы 20 месяцев. Для Института 3–4 тыс. руб. — пустяк, но они заранее не запланированы, и выбить их будет, наверное, нелегко... А вообще Миша — ужасно хороший и добросовестный парень. Между прочим, он сообщил мне чисто личную новость, которая меня ошеломила: они ожидают 3-го ребенка. Ему еще нет 30, как и жене, дочке лет 5, а сыну нет по-

45. Суховский Михаил Леонидович (1943 г.р.) — кандидат экономических наук, доцент, до 1992 г. работал на кафедре применения математических методов в экономике и планировании экономического факультета НГУ, а также в Отделе социальных проблем ИЭиОПП.

лутора лет. Смелые люди! Сейчас мало кто решается заводить такие большие семьи, и так тяжело достаются дети!..

Академгородок, 7 апреля 1973 г.

...Как видишь, мне все-таки трудно противостоять веяниям технического прогресса, и я изменяю только что декларированному принципу ручного писания писем... Как ни велико обаяние патриархальных традиций, современной жизни они, видимо, противопоказаны...

...Несмотря на телефонный звонок Руткевича, убедительно просившего написать подробный ответ на его предложение, я ему все еще не написала. Думаю, советуюсь с близкими людьми. Сегодня, наверное, напишу.

Вчера приходил Паша, который после приезда из Москвы в тот же день уехал в Кемерово и только что оттуда вернулся. ...Кажется, ты произвел на него сильное впечатление («Послушай, но это же просто здорово!», «Я просто не ожидал встретить такого человека», «Крупный человек, крупная личность, я очень люблю такие людей. Уверен, что в любой другой стране он занимал бы выдающееся положение»). Не знаю уж, чем именно ты его покорил, детально мы об этом не говорили, но в общем-то это ясно и понятно...

В течение двух часов мы обсуждали с Пашей различные производственные стороны моего перехода к Руткевичу, связанные с этим многочисленные «за» и «против». Вопреки твоему прогнозу, Паша, который впервые услышал о сколько-нибудь серьезном моем намерении уехать в Москву и был этим крайне поражен и удручен, все-таки высказался за этот шаг, а не против него. Ведь мы с ним в науке — единомышленники, мы сформированы одним университетом, одними и теми же учителями, в сущности, нам нужна одна и та же научная атмосфера и прежде всего атмосфера теоретической работы, решения крупных экономических или социальных проблем. По отношению к основному профилю института — конструирование системы моделей оптимального планирования — мы оба всегда занимали сдержанную позицию, чем и навлекли на себя негодование ее создателей, и сейчас в нашем Институте Паше не лучше, а даже хуже, чем мне, и если бы он мог, если бы было куда, то он, конечно, бы тоже уехал. В этой обстановке у него оказалось достаточно объективности, чтобы не отговаривать меня от шага, который самому ему представляется заманчивым. Вместе с тем он высказал убеждение в том, что я сама еще не вполне созрела для реализации своего решения, поскольку последняя предполагает прежде всего отказ от внутренней зависимости от Абела, как бы «попрание» этой зависимости, полную эмансипацию, я же смотрю на Абела как на руководителя, вождя и «хозяина». Еще Паша го-

ворил, что для Абела мой уход крайне невыгоден во всех отношениях, особенно же из-за того отклика, который он неизбежно вызовет во внешнем экономическом мире. И поэтому он, мол, пойдет на все ради того, чтобы меня удержать. А я, по Пашкиному убеждению, растаю и «брошусь ему на шею, хотя в действительности как ученый я ему совершенно не нужна и направление социологическое не нужно, да и весь Институт не нужен, и единственное его требование к Институту, в котором он почти не бывает, это чтобы не было никаких неприятностей, компрометирующих Абела в ЦК. Паша сказал также, что мой уход будет очень сильным шагом в сторону «посерения» института и в силу этого, скорее всего, вызовет еще несколько отъездов, в том числе — и его собственный, как только это станет возможно...

...Готова ли я к тому, чтобы занять прочную позицию в разговоре с Абелом? Не знаю. С одной стороны, я привыкла к тому, что он правомочен решать за меня, давать мне указания, требовать, спрашивать. Словом, привыкла ему подчиняться, и взбунтоваться (не имея к этому каких-либо внешних причин) мне, наверное, нелегко. С другой стороны, события последних месяцев настолько сильно повлияли на мое отношение к Институту, а также к собственному отделу, к секторам Малинина, Антосенкова[46] и Артемова[47], я не верю их доброму отношению ко мне, не верю внешне высказываемому уважению, не вижу возможностей хоть какого-то влияния на направление их научной работы... Несколько дней назад Фред Бородкин, возглавляющий небольшую группу по применению матметодов в социологии и числящийся сотрудником моего сектора, пришел ко мне радостно возбужденный. «Ну, Т.И., могу Вас порадовать. Полученные нами с Соболевой[48] результаты настолько интересны и важны, что можно сказать смело: положено основание математической теории миграции населения. Далее он изложил мне основные принципы построенных ими моделей, сказал, насколько точно они прогнозируют реальные миграционные потоки и, наконец, закончил: «Если этот результат станет известен в других отделах, то уверяю Вас, что отношение к нашему отделу полностью переменится. Люди наконец поймут, что мы занимаемся делом, что наша работа им нужна и полезна».

---

46. Антосенков Евгений Григорьевич (1930–2016) — доктор экономических наук (1976), профессор, в 1963–1977 — заведующий сектором статистических и математических методов в социальных исследованиях ИЭиОПП, автор работ по социологии труда и экономическим проблемам труда.
47. Артемов Виктор Андреевич (1938–2019) — доктор философских наук, профессор кафедры общей социологии экономического факультета НГУ, с 1961 работал в ИЭиОПП СО АН СССР, автор работ по социологии социальных изменений, бюджетам времени, социальному планированию.
48. Соболева Светлана Владимировна (1939 г.р.) — доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИЭиОПП СО РАН, специалист в области демографии и экономики народонаселения.

И он совершенно прав. Созданный ими продукт в нашем Институте — высоко престижен, не говоря уже о том, что он сам по себе интересен. Но меня интересует не математическая, а содержательная социология, реальные закономерности и противоречия развития общества, а на такой продукт спроса как нет, так и не будет, и Бородкиным тут не спасешься. Более того, мне глубоко неприятно, что сотрудник, ведущий исследование по периферийному направлению, как бы протягивает мне руку помощи, помогая поднять слишком опустившийся престиж отдела хотя бы за счет этой частной работы. Не знаю, может быть, я преувеличиваю, но ощущение от этого разговора осталось довольно болезненное. Все это говорит о том, что решение о переезде в Москву все более созревает во мне, и если я не сделаю этого в ближайшее время, то сделаю через полгода, через год или два, ибо внутренне я уже отчуждена от Института. А если так, то, как и при разводе, наверное, надо стремиться сократить агонию.

...В работу я уже включилась полностью. Вчера впервые пропустила все процедуры в диспансере из-за того, что готовилась к лекциям по спецкурсу. Надо было прочитать сразу две лекции, а для этого просмотреть новую литературу. Прием лекарств пропускаю постоянно, так как уже не помню об этом, а это, наверное, лучший показатель.

В среду ездила в обком партии на прием к секретарю по агитации и пропаганде Алферову[49]. Мы с ним когда-то начинали переговоры о конференции, и проситься к Горячеву[50] через его голову мне было бы неудобно. Проговорили часа полтора. С конференцией все в порядке. Как выяснилось, все возражения были связаны с тем, что Лаверентьев, постепенно дряхлеющий и многое делающий невпопад, листая документы нашей конференции, увидел письмо за подписью Михалкова[51] (как председателя Союза писателей РСФСР), тут же позвонил Горячеву и сказал: «Я там подписал тебе какое-то письмо о конференции по деревне, подписал, не читая, ты уж извини. А сейчас смотрю, они тут Сережку Михалкова приглашают! На что нам Сережка Михалков? Глупость какая-то. Не будем мы эту конференцию проводить, не читай письмо!» А Сережка Михалков «Фитилем» как бы кого-нибудь не протянул. И вот, вместо того, чтобы вызвать меня как председателя оргкомитета, побеседовать со мной и выяснить, при чем у нас Михалков, мне передают какой-то неясный и неаргументированный слух о том, что «обком против». Не Лаврентьев, а имен-

49. Алферов Михаил Семенович (1917–2000) — кандидат исторических наук, в 1961–1979 — секретарь Новосибирского обкома КПСС.

50. Горячев Федор Степанович (1905–1996) — в 1959–1978 — первый секретарь Новосибирского обкома КПСС.

51. Михалков Сергей Владимирович (1913–2009) — писатель, поэт, драматург, баснописец, общественный деятель.

но обком. И это стоило нам полгода. Теперь назначили конференцию на 9–13 июля. Труды конференции по существующим у нас правилам должны быть сданы в РИСО за 3 месяца до ее начала, т.е. буквально на днях. Три раздела сборника уже отредактированы и печатаются, четвертый я редактирую сейчас, а пятый («образ жизни», куда должна была бы пойти твоя статья) редактируется Валей Калмык.

Академгородок. 7 апреля 1973 г. (письмо М.Н. Руткевичу)

Дорогой Михаил Николаевич!

Прежде всего прошу извинить за долгую задержку с ответом. Она была связано частично с болезнью, а частично с желанием тщательно продумать содержание своего ответа.

Дать Вам сколько-нибудь твердый и окончательный ответ на предложение перейти в ИСИ я в настоящее время не могу. Слишком много социальных связей и отношений задевает это решение, слишком серьезного и всестороннего взвешивания оно требует. Ведь тут не только работа, но и отношения с людьми, и судьбы дочерей, и бытовое устройство, все-все должно быть подвергнуто изменению. Стоит ли? Пришло ли для этого время? Так сразу и не ответишь.

Единственное, что я могу сказать определенно, это, что Ваше предложение далеко не оставило меня равнодушной и даже, быть может, явилось тем стержнем, вокруг которого вертятся мои мысли в последнее время. Вот она — таинственная сила бумаги. Не зря Вы пишете, что сперва хотели позвонить, а потом решили написать. Разговоров у нас уже было много, а бумага... это все-таки сила. Во всяком случае, меня она заставила задуматься обо всем этом более серьезно.

В феврале исполнилось десять лет моей жизни и работы в Сибири, что дает мне моральное право ставить вопрос о возвращении в Москву. В Москве меня привлекает большая интенсивность научной жизни, научных контактов, оживленная циркуляция идей, более выраженная атмосфера теоретической работы. Интересующее меня направление исследований, как мне кажется, больше подходит к профилю ИСИ, нежели ИЭиОПП, увлеченного системой экономико-математических моделей и не слишком интересующегося человеком. Наконец, заведывание сектором социального развития деревни в центральном социологическом институте, а тем более — выполнение функций Вашего заместителя по социально-экономической проблематике, открывает несколько больший простор для реализации разных творческих замыслов, в частности, разрабатываемого мной исследовательского проекта.

Однако, как я Вам уже говорила, есть много соображений и в пользу Сибири: здесь, по крайней мере, все знакомо, и знаешь

расположение всех косяков, о которые можно удариться головою. Кроме того, за долгие годы сформирован неплохой коллектив, Аганбегян меня, в общем, не обижает, бытовые условия отличные, дети страшно привязаны к городку, здесь живет моя единственная сестра, которую я перетащила сюда из Тулы, но не могу взять с собою в Москву, и т. д. и т. п. Немаловажно и то обстоятельство, что в ИЭиОПП в настоящее время сосредоточена громадная социологическая информация о развитии сибирской деревни, информация, собранная по моему замыслу, под мои идеи, представляющая, как мне кажется, значительную ценность и овеществляющая в себе картину сибирского села. ИЭиОПП эту информацию воистину отдаст, так же как не отдал НГУ анкет Шубкина[52] и Шляпентоха[53]. Но ведь эти анкеты, по сути дела, пропали для науки, их никто больше не обрабатывал. Если та же судьба постигнет информацию, собранную нами о деревне, то несколько лет моей жизни можно считать зачеркнутыми.

Словом, все это сложно, и надо думать. Для того же, чтобы это думание было эффективным, я хотела бы задать Вам несколько серий разных уточняющих вопросов.

Первая серия касается уточнения круга прав и обязанностей, связанных с местом Вашего заместителя вообще и куратора социально-экономических исследований в частности. О каких секторах Института в данном случае идет речь? Как Вы представляете себе стоящие перед нами задачи? Чем отличается направление социально-экономических исследований ИСИ от аналогичных работ, проводимых экономическими институтами? В какой мере сектора, которые могут оказаться подведомственными мне, уже укомплектованы людьми? Какими? Как конкретно Вы представляете себе разделение прав и обязанностей между Вами и мною? Какую часть работы можете доверить мне, какие командные пункты сохранить за собою? Постановка всех этих вопросов вызывается желанием возможно более конкретно представить себе поле будущей деятельности. Вы знаете, что я отнюдь не стремлюсь к административной работе и потому в свое время категорически отказалась

52. Шубкин Владимир Николаевич (1923–2010) — доктор философских наук, социолог, в1960-е был научным сотрудником Института философии, затем уехал в новосибирский Академгородок, где заведовал сектором в ИЭиОПП, отделом в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР, преподавал в НГУ. В Сибири под его руководством были проведены фундаментальные исследования профессиональной ориентации молодежи. В 1969–1972 — зав. отделом Института конкретных социальных исследований, с 1972 по 1991 — завотделом ИМРД.

53. Шляпентох Владимир Эммануилович (1926–2015) — советский и американский социолог, с 1963 работал в ИЭиОПП, преподавал в НГУ, сотрудник ИСИ с 1969, эмигрировал в США в 1979, профессор Мичиганского университета, автор работ по методологии социологических исследований, истории советской социологии, проблемам общественного мнения, социальным ценностям.

от «замдиректорства». Но есть два обстоятельства, с которыми приходится считаться. Первое заключается в том, что переход на более высокую должность, более масштабную работу является, по-моему, единственным способом переехать из Новосибирска в Москву, иначе просто никто не станет разговаривать. Второе же обстоятельство таково, что если имеешь некоторый круг обязанностей (а замдиректора их, безусловно, имеет), то чрезвычайно важно иметь и соответствующие права, иначе получается чепуха и нервотрепка.

Вторая серия вопросов касается конкретных перспектив реализации исследовательского проекта о деревне. Прежде всего работать со Староверовым[54] я не буду ни при каких условиях. Если убрать этого человека из сектора не представляется возможным, то все дальнейшие вопросы снимаются, как и обсуждение проблемы в целом. Да и вообще, я бы предпочла начать формирование нового коллектива с нуля, ни в малой мере не торопясь с этим делом. По-видимому, каждый подчиненный представляет для руководителя ценность, измеряемую разностью между тем, что он дает, и тем, каких вложений он требует. С этой точки зрения широкий круг работников должен получить чисто негативную оценку, а если такие работники накопляются, то всю собственную энергию начинаешь расходовать только на компенсацию этих отрицательных разностей. Этой науке я уже обучилась и хотела бы впредь быть мудрее. Что я хотела бы в этом отношении? Во-первых, чтобы проект был Вами прочитан, одобрен (на этом берегу) и включен в план работ ИСИ. Во-вторых, чтобы сроки его реализации были установлены спокойные и оставляющие время на предварительную теоретическую работу. В-третьих, чтобы мне было разрешено сохранить за собой научное руководство новосибирским сектором (разумеется «на общественных началах») и несколько раз в году ездить в Новосибирск. В-четвертых, чтобы со временем в секторе было достаточно людей для проведения комплексного социально-экономического исследования деревни, т. е. примерно человек 15. В-пятых, чтобы эта работа проводилась в кооперации с рядом исследовательских и проектных организаций, которые выражают на то согласие: это ЦНИЛС Центросоюза СССР, Госгражданскпроект, Госкомитет по трудресурсам, ЦСУ РСФСР и др. Хорошо было бы также провести эту работу как совместную с Институтом экономики АН СССР, где у меня много единомышленников и друзей. Хотелось бы знать Ваше отношение ко всему этому.

Третья серия вопросов касается вероятных бытовых условий существования. Поскольку Вы — не меньший реалист, чем я, о чем сами недавно мне говорили, то понимаете, что это — немаловажно. Здесь у меня отличная пятикомнатная квартира, в Москве — две

54. Староверов Владимир Иванович (1940 г.р.) — доктор наук, социолог, сотрудник ИКСИ (ИСИ) в 1969–1991, автор работ по социологии села.

комнаты в общей квартире, поскольку третью комнату я должна отдать мужу. В случае переезда в Москву я буду жить с двумя дочерями, ибо старшую надо будет перевести из Восточно-Сибирского института культуры в московский. Дочери — взрослые, каждой требуется комната, мне же — спальня и кабинет. Нужна четырехкомнатная квартира. Могу ли я рассчитывать на ее получение от Академии? Насколько это реально? Сроки? Район? Качество? Что касается других форм обслуживания, то, насколько я знаю, в Москве они поставлены лучше, чем здесь. Единственный серьезный вопрос — это возможность пользования машиной. Своей автомашины я не имею, а при московских расстояниях и интенсивности перемещений с помощью метро, пожалуй, не проживешь. Скорее есть смысл поработать в Сибири и купить все-таки машину, поскольку здесь это делается гораздо легче, нежели в Москве.

И, наконец, четвертое. Как член Академии я не вольна распоряжаться собой: направлять меня на работу в какой-либо институт может только экономическое отделение, к которому я приписана. Но, разумеется, и его решение здесь не последнее. Есть еще секция общественных наук, есть Президиум Академии, есть Сибирское отделение и отдел науки ЦК. А в этом отделе, по крайней мере, два сектора, имеющих отношение к вопросу: сектора философии и экономики. Мне не хотелось бы делать даже начальных шагов по подготовке своего переезда, в частности, начинать разговор с Абелом, не зная, как отнесутся к этой затее «верхи». Иными словами, начинать разговор есть смысл в том и только в том случае, если намерение твое — серьезное, и ты не остановишься на полпути. Иначе и отношения испортишь, и доверие потеряешь, и дела не сделаешь. По-видимому, обращаясь ко мне с этим предложением, Вы предварительно проговаривали вопрос и с П.Н. Федосеевым[55], и в отделе науки. Но здесь остаются, по крайней мере, два неизвестных — позиция Федоренко по этому вопросу вызовет в экономическом мире сенсацию, за которую Абел не скажет спасибо.

Для Абела мой отъезд из Сибири крайне нежелателен, и не потому, что он слишком высоко ценит меня как ученого или же ценит социологию. Просто я — единственный, кроме него, членкор, двое выборов не дали нам никаких результатов, кажется, мы заблокировали в ЭО прочно, так что надеяться на пополнение трудно. Кроме того, вот уже десять лет наши имена упоминаются рядом, и мой отъезд обязательно будет воспринят экономистами не как факт личной биографии, но и как симптом идейного расхождения, а ему

55. Федосеев Петр Николаевич (1908–1990) — философ, социолог и общественный деятель, академик (1960), вице-президент АН СССР (1962–1967, 1971–1988), член ЦК КПСС с 1961, директор Института философии в 1955–1962, директор Института марксизма-ленинизма в 1967–1973, автор работ по историческому материализму, научному коммунизму, критике западной философии и социологии.

этого не хотелось бы. В силу этого в разговоре на эту тему, состоявшемся в январе, он заявил, что «примет любые мои требования, разумеется, в пределах человеческих возможностей». Заявление довольно сильное, но не очень ответственное. Думаю, что договориться с ним будет мне нелегко, в ход пойдет вся его сильная логика и все возможные аргументы. Но сейчас он — в Москве, работает на даче, пишет очередной документ. Вернется только 1 мая, когда мы с Вами по идее будем разгуливать где-то в Западной Германии. Так что поговорить я с ним смогу только после 10 мая. Надеюсь, что до тех пор у нас с Вами будет возможность обговорить поставленные выше вопросы.

Из-за отсутствия Абела и своей болезни я ничего нового не знаю о реакции Федоренко на социологический документ.

До встречи в Москве, с сердечным приветом

Академгородок, 12 апреля 73 г.

...Вернулась из Института довольно поздно — было заседание партбюро, по существу, что-то вроде ритуальной службы, только неизвестно какому Богу молитва. Посуди сам, повестка дня такая: о работе по гражданской обороне («гроб»), о создании праздничной комиссии, о подготовке к обмену партдокументов и о подготовке к предстоящим выборам. Что ни вопрос, то мертвечина, фальшь, никому абсолютно это не нужно, но все хорошо знают ритуал. Задают вопросы, принимают решения... Какая затрата человеческого времени, сил, труда, и все впустую, все вхолостую, и никто ни во что не верит, и никто никогда об этом не скажет. У Майки в Институте проводили занятия по «гробу», объясняли им, что такое противогаз и как с ним обращаться. Ради этого она пропустила 6 часов в НГУ. Спрашивают: «Вопросы есть?» Майка: «Есть». — «Да, пожалуйста?» — «А курить в противогазе можно?» (*Хамит.*) — «Нет, товарищи, курить в противогазе нельзя. Курить можно только в том случае, если противогаз в походном положении, а когда он надет, курить нельзя». Ну как тебе это нравится? Есть в этом смысл? Кстати, у нас почему-то этот самый «гроб» жутко активизировался во всех институтах. А у вас? Мы тут гадаем о причинах этого явления, интересно, местное оно или общее.

И вот прихожу я после всего этого домой, а меня ждет твое письмо, такое живое и человеческое на фоне всей этой мертвечины. Это светлая ниточка, протянувшаяся между нашими далекими городами, так важна, так жизненно необходима, как кислородный кабель подводнику. Почитаю твое письмо, подышу кислородом, и опять готова к жизни в «маловоздушном пространстве» — безвоздушным его все же не назовешь, п.т. много кругом хороших людей.

...мой день рождения был очень счастливым и светлым, но дальше твоей телеграммы... я продвинуться не сумела. А между тем

я получила много подарков, которым радовалась как дитя. Представь, где-то в 10 часов утра раздается звонок (я еще не одета, причесываюсь в прихожей и потому открываю дверь еле-еле), и в открывшуюся дверную щель мне протягивают букет великолепных роз со словами «Заславской от Насонова». Я даже ахнуть не успела, как посланец исчез. У нас кругом еще сугробы, а тут розы, да еще какие! А Насонов, бедняжка, это мой аспирант-заочник (бывший), неспособный писать. Его тезисы в сборник я переписала заново от первой до последней страницы.

Потом явились Майя, Таня и Ира (ее дочь) и принесли мне кувшин с тюльпанами, за которыми Таня ездила в город, но самый интересный подарок, безусловно, был от Пашки. Прихожу вечером с работы — в прихожей большой деревянный ящик. Говорят: подарок от Олдака. Что же это, думаю, за подарок? Раскрываю ящик, а в нем... Огромное и прекрасно, мастерски сделанное чучело полярной совы, сидящей на суку дерева. Сама серая, а глаза — желтые. Чудо-сова! Я ее посадила на шкаф в спальне, и она смотрит на меня своими желтыми глазами с каким-то странным выражением.

На работе у меня тоже полный цветник: большой букет гвоздик от сектора, тюльпаны от бывшего дипломника Носика и еще какие-то белые цветы, вроде лилии, не знаю какие.

Валя Калмык подарила мне французские духи, присланные сестрой из США. Инка — книгу про постимпрессионистов (с картинками) и три кухонных полотенца (весьма кстати, тем более что они теперь дефицит, как, впрочем, кажется, и все остальное!). Что же касается Оксанки, то она поистине превзошла самое себя. Не помню, говорила ли я тебе, что в свое время за окончание курсов машинописи я обещала ей премию — 100 рублей. Думая: если не кончит, то и платить не придется, а если кончит, то это такая победа, такое реальное завоевание, что и 100 руб. не жалко. Движимая мощным материальным стимулом, она зубами держалась за курсы, сдала экзамены на «4» и... получила свои 100 руб., которые я положила на ее имя на книжку. Было это 3 апреля.

8 апреля она спрашивает, что мне подарить. Я говорю, что вещей мне не нужно, все у меня более или менее есть, а лучше помоги мне трудом: возьми белье из прачечной, сдай вещи в ремонт, в химчистку и т. д. и т. п. «Нет, — говорит, — это само собой, а я что-нибудь куплю». — «Ну купи, но только недорогое — ну пластинку стереофоническую или чулки и т. д.». И что же ты думаешь она мне купила? Ты только послушай: музыкальную шкатулку с танцем маленьких лебедей, красивую комбинацию, грацию, две пластинки, набор свечей и ножнички (одной из вещей, которую я просила в качестве подарка). Я просто охнула: «Оксанка, да ты с ума сошла, ты же потратила все свои деньги!» И действительно, оказалось, что все это стоило около 70 рублей! Какие-то разноречивые чувства смешались в моей голове: я была и растрогана ее благородным порывом, и огорчена тем, что она совсем не чувствует денег,

не ощущает их реальной цены. То, что легко пришло, легко и уходит. С большим трудом уговорила ее взять деньги хотя бы за грацию, чтобы считалось, что ее купила сама, — это все-таки 25 руб. И еще взяла на себя покупку пледа, который она хотела оплатить из своих скромных средств. Благодаря этому у нее на счету сейчас 68 руб., на которые она собирается на майские праздники съездить поездом в гости к Леночке. Затея очень удачная, если принять во внимание, что меня в Новосибирске не будет, а Леночка тоже 4 дня будет практически одна: все ее девочки — из-под Улан-Удэ, на праздники разъезжаются. А Оксанка из окна поезда посмотрит на мир, увидит красоты Восточной Сибири, Байкал... Сейчас она подрабатывает на эту поездку, печатая наш сборник...

Академгородок, 16 апреля 1973 г.

...Вот уже 3 полных дня я, не разгибаясь, сижу за машинкой. В воскресенье работала с 11 утра до 12 ночи, в субботу — тоже, только с перерывом на большую прогулку, сегодня начала где-то в 10, а сейчас уже 11 вечера. Даже на работу не пошла, чтобы побольше сделать. Пишу вступительную статью для сборника, она получается вроде бы интересной — замысел ее богатый — но с объемом беда. Уже написала 21 стр., а не дошла и до половины, у меня же всего 20 стр. объема. И неизвестно, за счет чего расширяться, так как сборник и так перегружен. Не знаю, что делать.

Инка, например, написала тезисы чисто методологического плана — и это после всех разговоров! Она умудряется в них рассматривать даже «функции научных понятий». Это — для председателей-то колхозов и работников проектных организаций. Я привезу тебе экземпляр своих тезисов после редакций, дабы ты мог либо узнать, либо не узнать себя в этом зеркале и высказать свои соображения.

Вообще же дело идет скандально. Большинство авторов здесь и все обижаются, когда из 20 стр. остается 2, а из 12 — 1. Идут ко мне жаловаться на Вальку, а я должна быть ей благодарна, ибо сама не смогла бы быть столь безжалостной. С грустью думаю о том, что мы ведь просили именно 25 п.л., а нам дали 20, почему — неизвестно, обычное «соображение» — как-нибудь обойдетесь.

Вот видишь, как я «заведена». Ведь вот уже отложила работу, захотелось... поболтать, и о чем же идет этот разговор? Опять все о том же проклятом сборнике... Просто-таки хочется выскочить из этого круга, осмотреться вокруг себя, увидеть небо и ясные звезды. А то за 3 дня всего только раз выходила вчера на улицу. Но если бы ты знал, как мы погуляли с Инкой и ма-а-аленькой собачкой Кутей! Ах, какая дивная была прогулка! И, наверное, только из-за нее, из-за полученного заряда бодрости я сумела написать целую 21 страницу! Переписала вчерашние 3, а потом

уже — по целине. Так вот о прогулке. Вышли мы на волю, наверное, часов в пять. Было тихо и солнечно. Снег у нас сейчас только тает, страшный потоп, но это — в лесу и на полулесных участках возле домов, а на асфальте уже сухо. Мы пошли по направлению к морю. Кутя была совершенно опьянена этим обилием солнца и воздуха и даже... встречных собак. Она же у меня домоседка, ничего-то она в своей жизни не видит, в кои веки взяли ее на прогулку. Видя, как она рвется с поводка, мы свернули в лес, на широкую просеку для электростолбов. Ах, какая там была красота! Весь снег уже стаял, земля сухая, довольно много зеленой травки. А воздух тихий-тихий и теплый. Лето... Потом дошли все-таки до моря. Оно, конечно, еще подо льдом, но песок на берегу растаял и довольно сухой. Побродили, позагорали (лицами), дали собаке набегаться. А когда возвращались домой, она, бедная, едва волочила ноги, устала, наверное, как никогда. Вечером Инка пошла в кино смотреть «Печки-лавочки» — про деревню, а я осталась дома: очень устала.

Сегодня должен был приехать Абел, и я собиралась было с ним встретиться и поговорить. Но не тут-то было! Сказали, что он приедет не раньше пятницы, а вполне вероятно, позднее. Если в пятницу вечером, то скорее всего мы с ним не увидимся, ибо разминемся. Да если и будет пара часов его пребывания на Новосибирской земле до моего отъезда, то вряд ли будет уместно начинать разговор об отъезде. А жаль. Отправляясь в ФРГ с Руткевичем, мне было бы вовсе не вредно знать позицию своего дорогого начальника. Ты пишешь, чтобы я не становилась в позицию «плевать на всех, в том числе на Абела». Я думаю, это исключено. К Абелу я отношусь хорошо, хотя наше сотрудничество не было безмятежным. Резкое охлаждение произошло тогда, когда он полностью бросил науку ради избрания в академики. Я осуждала эту позицию довольно открыто и говорила об этом нашим общим друзьям в Москве. Почувствовав мое охлаждение, он тоже замкнулся, отодвинулся, стал относиться хуже. Но надо отдать ему справедливость, после провала на первых выборах он опять повернулся к науке лицом, стал писать книги, много работать. Причины для охлаждения вроде исчезли, а ощущение пробежавшей кошки осталось... Но по сравнению, скажем, с Руткевичем такого рода нюансы, конечно, мелочь...

Академгородок, 17 мая 1973 г.

...Уже из того, как я написала слово «Академгородок», ты можешь в известной мере судить о моем душевном состоянии. Сегодня — четверг, уже шесть дней, как я возвратилась в Новосибирск, а я до сих пор не имела возможности написать тебе... Дело в том, что прямо с утра понедельника здесь закружилась такая карусель событий, что я не имею возможности сесть за машинку: большая часть времени уходит на разные формы коммуникативной деятельности,

а когда я попадаю домой, то оказываюсь совершенно обессиленной, не могу даже говорить, не то что писать. Тем не менее все-таки попытаюсь ввести тебя в курс основных событий. К их числу относятся: перелет, первые контакты с домом Аганбегяна, основной разговор с Абелом, заседание сектора с объявлением о моем отъезде, встреча с заведующими секторами с той же информацией, заседание бюро дирекции, индивидуальные беседы с каждым сотрудником о его будущем, партсобрание отдела. Сегодня я, кроме того, должна встречаться с академиком Марчуком, первым заместителем Лаврентьева, а фактически — фигурой № 1 в СО АН СССР. Пожалуй, именно эта встреча имеет решающее значение, потому что отпускать или не отпускать меня будет именно Сибирское отделение, предварительные же данные уже имеются о намерении не отпускать. Напряжение нервов — колоссальное, но держусь пока ничего. Сказывается отдых за счет поездки в ФРГ и потребленные там витамины...

Абел позвонил довольно поздно вечером и назначил встречу на понедельник в 9 утра. Разговор наш занял примерно час. Он без всяких оговорок согласился меня отпустить, сам посоветовал идти к Федоренко, а не к Руткевичу, сняв тем самым основное препятствие к принятию такого решения, обещал отдать мне всю информацию о социальном развитии деревни, сказав, «что не видит в Институте никого, кто был бы заинтересован в этой информации». Выразил намерение после моего отъезда распустить и отдел, и мой сектор. Сектора Малинина, Антосенкова, Артемова передать в другие отделы, а моих сотрудников — частично в сектор Можина...

В разговоре со мной Абел не высказал никаких особенных сожалений по поводу моего ухода. Отношение — деловое, ощущение тайного облегчения по поводу того, что можно наконец без скандала и даже не по своей инициативе прикрыть социологическое направление. Отчетливое стремление сделать все побыстрее. Предложение: чтобы я в тот же день (понедельник) объявила все сектору и бюро отдела, а во вторник провести бюро дирекции. Затем — идти к Марчуку без него («Не могу же я ходатайствовать, чтобы у меня забрали членкора»), а в случае необходимости он готов подтвердить, что отпускает меня добровольно.

Закончив разговор, я вышла с чувством облегчения от того, как легко прошла эта операция, и от того, что он не возражал против ЦЭМИ, а, наоборот, советовал выбрать именно его. Ну и, наверное, с разочарованием от этой же самой легкости отпускания. Ни малейшей попытки удержать, найти какое-то другое решение. Так без боли вываливается испорченный зуб после того, как полностью уничтожены ткани, соединяющие его с десною. Значит, далеко уже очень зашел процесс нашего внутреннего отчуждения, и много грехов числит он за мною, хотя и произносит в основном панегирики.

Уже в 11 утра в понедельник я собрала свой сектор и рассказала сотрудникам о том, что наша совместная работа, к сожалению, прекращается. Мне было очень тяжело, голос прерывался,

не слушался меня, а на глазах проступили слезы. Я любила этих людей, и они любили меня, одни — сильнее, другие — меньше, третьи даже ругали нередко, но для всех мой отъезд был настоящей драмой, крахом многих жизненных надежд. Диссертации, книги, просто творческая работа, любимый сложившийся коллектив, все это отходило в небытие, а кому-то угрожала и потеря работы, обычных средств для поддержания жизни. Когда я кончила, была гнетущая тишина, почти никаких вопросов, все были просто убиты. Спросили «когда?». Я ответила, что А.Г. на мой вопрос о том, что я должна сделать до отъезда, высказал единственную просьбу: провести конференцию, а вообще не растягивать агонии, и если уезжать, то лучше скорее. В связи с этим мы договорились, что я работаю до 1 августа, затем беру отпуск на 2 месяца, а примерно с 1 октября могу выходить на работу в Москве. Таким образом, у нас остается примерно 2,5 месяца на то, чтобы подчистить основные хвосты.

Реакция сектора была очень искренней и ужасно «убитой». Сперва — молчание, потом — скупые вопросы, а затем вдруг нервический хохот, который охватил буквально всех, в том числе и меня, когда дотошная Валя Калмык спросила с обычной ее медлительностью: «А как же гипотеза? Будем мы все-таки разрабатывать гипотезу развития сибирской деревни? Ведь она у нас — в плане НИР?» Василий Николаевич бросил реплику: «Надо разработать гипотезу нашего собственного существования», и все хохотали истерически. Я чувствовала себя ужасно, потому что, пытаясь «максимизировать» собственное счастье, ставила всех этих преданных мне людей в трудное, если не безысходное положение. Можно, конечно, сказать «се ля ви», но от этого в общем и целом не легче. Немножечко легче мне от другого: все в секторе понимают, что дело не только в чисто личных соображениях, а и в том, что меня медленно, но верно «выпирали» из Института. Этот процесс был столь очевиден, и происходящее сейчас столь закономерно с чисто деловых позиций, без выхода за пределы Института, что люди, включенные именно в эту сферу, возможно, даже думают, что все эти разговоры о личных отношениях — вообще камуфляж, хорошая мина при плохой игре. Уж до чего хорошо ко мне относится Марина Меньшикова, но и она с пристрастием выпытывала у Инны, правда ли то, что выдается на-гора, действительно ли есть что-то в личной области, или все это — лишь хорошо продуманная и согласованная с Абелом версия... Ну вот, и это вот убеждение, согласно которому это должно было быть, и является правильным, справедливым, оно облегчает мое общение с людьми, обеспечивает их сочувствие и тепло даже в тех случаях, когда сами они страдают. Понимаешь, выходя от Абела, я чувствовала себя как гость, который увлекся разговорами, потерял ориентацию во времени, а когда начал наконец прощаться, то увидел открытое облегчение в глазах своих любезных хозяев. Боюсь, что мне надо было сделать это раньше, но уж во всяком случае, сейчас — пора...

Один только штрих не совсем вписывается в общую картину чуть ли не радости Аганбегяна. Когда я вышла от него, то в дверях встретила Мироносецкого[56], начальника нашего ВЦ, видела, как он зашел к Абелу и тут же вышел. Позже мне рассказали, со слов М., что, когда он вошел, Абел сидел за столом, охватив руками голову и глядя в стол. Поднял на него голову и словно бы не увидел, лицо — расстроенное до предела. А когда наконец увидел М., то сказал: «Ты, Коля, пожалуйста, зайди минут через 10. Мне нужно прийти в себя». Неужели такая сдержанность и спокойствие были у него чисто внешними? Мне просто трудно в это поверить, хотя Абел прекрасно владеет собой. Не знаю, просто не знаю, что тут — правда, а что — поэтический вымысел...

Академгородок, 24 июля 1973 г.

...Все мы более или менее беззаботны в отношении уплаты партийных взносов. Я, например, лишь время от времени привожу их в соответствии со своими доходами. И это понятно: в течение года я не получала денег в университете, просто было некогда, да я толком и не знала, начисляют ли они мне что-нибудь, и что именно. Потом однажды позвонила и выяснила, что на депоненте чуть не 600 руб. Получила их и, разумеется, уплатила взносы. А если бы проверка была раньше? Иди доказывай, что не получал причитающуюся тебе зарплату. Или за аспирантов переведут деньги прямо на сберкнижку, а я и не знаю, тоже плачу с опозданием. Если ко всем этим вещам придираться, то, наверное, не обойтись бы мне без выговора. И это просто счастье, если в конце концов они не нашли за тобой никаких криминалов!

И еще приходит в голову мысль о наличии двух «правд» и двух систем права в обществе и в партии. С одной стороны, все те махровые жулики, которых так и не удается исключить из партии: открыто проповедующий антисемитизм Сидоров, жулик и вор Янченко, укравший у государства на 2 млн разных ценностей Войцеховский. Все они в партии и поныне, все они, будучи исключены первичной парторганизацией, восстановлены на уровне райкома и обкома КПСС. А с другой стороны, «неугодные» люди, которые получают взыскание за недоплату пары рублей, которая рассматривается как «обман партии» или что-нибудь в этом роде. Кругом фальшь, и некуда от нее деться. Остается только приспосабливаться к этой системе и следить за тем, чтобы не попасть в число избитых.

Конечно, сейчас я хорошо понимаю, почему у тебя было на душе паршиво и не хотелось мне писать. Но ты, наверное, не представ-

56. Мироносецкий Николай Борисович (1936–1993) — доктор технических наук (1975), лауреат премии Совета министров СССР (1981), с 1969 — заведующий сектором вычислительных методов в экономике ИЭиОПП СО АН СССР.

ляешь себе, что делалось в это время со мной. Не хочется и вспоминать этот черный период...

...Леночка прилетела 10 июля, отдыхает главным образом дома, только время от времени ездит с папой на лодке, да ежедневно гуляет с собакой. Я возьму отпуск с 6 августа и одну неделю проведу с ней полностью, больше можно будет побыть на море и в лесу. А в лесу сейчас много грибов и ягод, все заготовляют полными охапками, кроме наиболее ленивых или фанатиков, к числу каковых я, к сожалению, отношусь. И что за сила вечно держит меня около этой самой машинки? Какая большая часть жизни проходит мимо!

Академгородок, 13 сентября 1973 г.

...Я по-прежнему продолжаю жить по отпускным законам, хотя жизнь постепенно затягивает свою петлю на моем горле. Вчера звонил Можин, просил выступить в качестве рецензента по «Сибирскому докладу» института на ученом совете, а доклад этот представляет собой две книги. Я сказала, что выступлю, но когда выйду из отпуска. Затем звонили из газеты «Труд» с просьбой принять участие в круглом столе по проблемам производительности труда в сельском хозяйстве. Но так как этот стол состоится завтра, я решительно отказалась. Ни минуты отпускного времени — государству. Когда же дело касается не государства, а жизни людей, то дело становится труднее. Пришлось активно включиться в работу с дипломником Сашей Шапошниковым[57], ибо здесь нельзя упускать ни дня. Уже несколько раз встречалась с ним на 2–3 часа каждый раз. Сегодня звонил Коля Нонкин, мой позапрошлогодний дипломник, 17 сентября он будет сдавать экзамен по специальности в заочную аспирантуру (ко мне). Это — один из моих любимых учеников, хотя характер у него — дай боже, и воспитание препоганое. Наше знакомство началось с того, что, взяв курсовую по моей теме и прочитав мои труды, он заявил мне, что «все это — белиберда». Обидно, конечно, и зло берет, но сделанные им конкретные замечания были достаточно точны и били в действительно слабые места концепции. Потом мы здорово подружились. Мне не удалось взять его на работу, хотя он и был распределен в Институт, потому что в мое отсутствие ему влепили четверку за защиту диплома, а диплом был на пять с плюсом. Вот сейчас мы пытаемся снова объединиться на другой основе — работает он в Институте экономики ВАСХНИЛ и страшно недоволен той рутиной, на которую

57. Шапошников Александр Николаевич (1951 г.р.) — кандидат экономических наук (1980), доцент экономического факультета НГУ, работал в ИЭиОПП СО АН СССР с 1974 по 1993 г., автор работ по математическому моделированию социально-экономических процессов.

там натолкнулся. Мне и в меня он трогательно верит, «трогательно» именно для такого грубоватого и молчаливого парня, почти не имеющего авторитетов. Но поддержание этой веры требует постоянных «затрат», даром оно отнюдь не дается. Очень хочется, чтобы он хорошо сдал экзамены, но кто знает, это все-таки лотерея, а кроме меня в комиссии будут Антосенков и Малинин...

14 сентября, 1 час ночи

...За то время, что я не писала письмо, произошла целая масса событий. Во-первых, Люда Неунылова принесла мне около тысячи (!!!) таблиц, сделанных по моему заданию за время нашего кисловодского отдыха. Для меня это — чистое наслаждение, ты знаешь, как я люблю возиться с цифрами, а ведь эти цифры — не простые. В них овеществлен предварительный ГРОМАДНЫЙ труд по разработке инструментария, проведению экспедиции, разработке кодификаторов, кодированию, перфорации, записи на ленту, составлению программы разработки. И вот он лежит передо мною — этот выращенный и собранный «урожай», и почти каждая таблица так глубоко осмыслена, раскрывает такие интересные, просто волнующие закономерности! И так красиво, законченно выглядят в цифрах результаты разработки вопросов, самая постановка которых вызывала острые споры (правомерно ли их задавать вообще, ответят ли, правильно ли поймут, будет ли иметь смысл получаемая информация и проч.). И вот смотришь готовую таблицу и видишь, что она не просто имеет смысл, но смысл ее глубок, нетривиален, она высвечивает какие-то мало еще известные особенности сельской жизни, сознания людей. Боже мой, какое же это богатство, информация, которой мы располагаем. Наверное, ни у кого в Союзе, разве что кроме Арутюняна[58], нет такой богатой разносторонней информации о деревне... Не просто научные труды, а романы можно писать на ее основе!!! Нет, все-таки природа создала меня прежде всего аналитиком, а не «синтетиком» и не теоретиком, нет для меня большего наслаждения, чем работать с цифрами, со статистикой, постепенно выделяя из груды цифр четкие ясные закономерности, подобно тому, как скульптор из глыбы мрамора «выделяет» законченную статую. Это — такой же творческий труд, не менее осмысленный и прекрасный.

Ну вот. Словом, я просмотрела таблицы, оставила себе для анализа сотни три, но тут поступило предложение коллективно сходить в кино, что и было сделано. Пошли впятером: Инна с Мишей, мы с Леночкой и Майя. Оксана не была взята в наказание за по-

58. Арутюнян Юрий Вартанович (1929–2016) — историк, этнограф, социолог, член-корреспондент РАН (1991); специалист в области социологии города и села, этносоциологии и истории социологии.

лученные в последние дни двойки. Смотрели французский фильм «Преступление ради порядка». Хороший фильм, главную роль играет тот же артист, что в «Профессиональном риске». Если будет случай, посмотри этот фильм и напиши свои впечатления. Невольно напрашивается аналогия с делом Худенко[59]. Наверное, следует все же подумать, в какой форме я могла бы помочь ему и Филатову[60]. Если я буду в Москве во время пересмотра дела в Верховном суде, наверное, следует туда пойти и как-то выступить. Дело в том, что все-таки (вопреки моим ожиданиям) под судом оказался не просто Худенко, а именно его ЭКСПЕРИМЕНТ, который был объявлен незаконным и капиталистическим и направленным на наживу участников. Вот против этого можно уже возражать...

...После кино мы долго гуляли в составе своей обычной тройки. У нас ведь все еще держится тепло, температура воздуха была где-нибудь градусов 16–17. Деревья стоят совершенно зеленые, небо ясное с яркими звездами (здесь они крупнее и ярче, чем в Европейской России), а сегодня ко всему этому добавилась еще огромная полная луна, в свете которой, казалось, можно было читать. Изумительно красиво. Сходили на море, полюбовались им в лунном свете, хорошо прогулялись по лесу. Кутя получила огромное удовольствие и настолько устала, что ее пришлось взять на руки. Пришла домой в половине первого, Леночка ждала меня с кипящим чайником, и мы еще выпили с нею чайку, а потом я села дописывать письмо. Вот как я прожила это время.

...Майя рассказала, что сегодня собирали всех завсекторами и инструктировали насчет холеры. В городе имеются 3 случая точно установленной холеры, в городке 2 спорных случая, вообще же желудочных заболеваний (дизентерия и брюшной тиф) насчитываются сотни и тысячи случаев. Институты закрывают прием внешних посетителей, особенно из города, сотрудникам, живущим в городе, разрешается работать дома. Всех призывают мыть фрукты, овощи, постоянно мыть руки, не пить сырой воды и сырого молока, не целоваться, не обниматься и не жать руки. После Майкиного сообщения слово взяла Инка. Ей только что звонила ее приятельница врач и рассказала, что в городе госпитализировано по подозрению на холеру более 2 тысяч людей, но большинство находится на карантине, т.е. «хватают» с большим излишком. В городке, по ее словам, было 2 смертных случая от холеры: умер рабочий в Ядерной Физике и,

59. Худенко Иван Никифорович (1918–1974) — советский экономист. В совхозах Казахстана проводил успешные экономические эксперименты, способствовавшие значительному росту производительности труда и улучшению качества продукции. Был отстранен от работы, обвинен в попытках хищения госсобственности, умер в тюрьме.

60. Филатов Владислав Васильевич — заместитель директора совхоза Акчи И.Н. Худенко, обвиненный вместе с Худенко в расхищении социалистической собственности (1972–1974).

кроме того, на одном из островов Обского моря обнаружили труп рыбака-любителя, умершего несколько дней назад. Все это воспринимается очень тревожно, ведь смертность от этой страшной болезни составляет 70%! Беспокоюсь за Леночку, которой предстоит перелет в Улан-Удэ и жизнь в этом городе, почти лишенном санитарных служб. Вот где эпидемия, раз начавшись, может принять катастрофические размеры! Как все-таки это тревожно, когда «ребенок» живет так далеко от тебя. Леночка — удивительно милое и славное существо, ее любят все близкие, и на фоне остальных наших деток она, ей-богу, смотрится как светлое пятно.

С Оксаной, напротив, большие сложности. За первые две недели учебы она успела восстановить против себя весь свой класс. Говорят, что она очень заносчиво держится по отношению к сельским девушкам, вызывает у них протест постоянным курением, всегда и во всем считает правой только себя, все же остальные против нее «копают». Поссорилась с Олей, которая оказывала на нее очень положительное влияние и благодаря которой она только и поступила в училище. Нахватала уже 4 или 5 двоек (литература, история, физика, математика, анатомия), почти не затрачивает времени на уроки, отказалась участвовать в переборке картофеля, за что чуть не была исключена. Словом, это отнюдь не сахар, и я довольно напряженно думаю, что же все-таки мне с ней делать. Всем очевидно, что если что-нибудь в принципе может ее исправить, то только «законченный хозрасчет», объективная необходимость «по одежке протягивать ножки», зависимость между результатами ее труда и возможностями для удовлетворения потребностей. Но пока она со мной, эта зависимость полностью отсутствует, откуда и вытекает это тунеядство... Просто теряюсь, честное слово... Хотела сегодня съездить в училище по твоему совету, но выяснила, что положение в классе знает только классный руководитель, а он с сегодняшнего дня на картошке. Обещали сообщить, как только он вернется. Но, по правде говоря, я просто не верю в то, что Оксана будет учиться: слишком слабая у нее воля, слишком боится она усилий. Работа — реальнее, но пугает ее неумение уживаться с людьми. Поссорится в первую же неделю...

Академгородок, 15 сентября 1973 г.

Знаешь, тут у нас несколько дней провел тот деятель из Ленинки, о котором я тебе писала (он приехал от Шляпентоха). Я с ним даже не познакомилась, весь удар приняла на себя Инка, к которой он и был адресован. В общей сложности на чтение и рецензирование его методик, а также поиск экспертов для опроса она затратила не менее 3 полных дней. И вот сегодня (кстати, в воскресенье) после очередных 4 часов разговора и за 15 минут до прощания (завтра он уезжает) он вдруг спросил ее: «Слушайте, а почему Вы так

серьезно ко всему этому относитесь?» (то есть к тому, что их методика совершенно антинаучна и никакого прогноза не обеспечивает, ибо эксперты ни шиша не понимают в том, о чем их спрашивают). Она маленько остолбенела, а он разъяснил ей свою позицию. Он — не философ, не социолог, а математик. И деревня, и чтение, а тем более будущее чтение в деревне ему совершенно до лампочки. Есть работа, есть вакантное место, нет специалиста, можно получать деньги, не утруждая себя. В методике все равно никто ничего не понимает, проверить некому, надо только выдавать листы «научной продукции». Подлинная ценность для него — путешествия, охота и общение с друзьями. Данная работа дает возможность не менее 8–10 командировок в самые разные районы страны для «опроса экспертов по деревне». Он постоянно разъезжает то в Молдавию, то в Кострому, то в Самарканд, а то в Тюмень, «левой ногой» находит и опрашивает экспертов, а остальное время посвящает охоте. В Москве же проводит время с друзьями и, по-видимому, подругами. Лет ему около 40...

...Вот какая непривычная для нас модель жизни! Сначала становится жалко его, мол, нет у него подлинной радости в жизни, радости созидания. А потом... Потом приходит в голову другая модель: на месте крутится гигантское колесо, а по нему «мчатся» глупые белки, соревнуясь друг с другом в скорости. Они не понимают, что и колесо, и они сами остаются на месте. Рядом с колесом расположилась умная белка, она не хочет больше крутиться, а глупые белки жалеют ее: бедная, она жизнь проживает напрасно! Конечно, это утрированная картина, но самый факт, что она может появиться в мозгу, наверное, говорит о многом, о начавшейся перестройке сознания...

Академгородок, 17 сентября 1973 г.

Вот наконец он и пришел — первый мой рабочий день. Надо и совесть знать, сектор меня заждался, но мне по-прежнему неохота включаться в работу. Вообще я работник очень «неравномерный», иногда могу трудиться до умопомрачения, но нередки и периоды полного расслабления, какой-то душевной лени, что ли. Откуда она? То ли это — компенсация за периоды переработки, то ли реакция на не слишком стимулирующие внешние условия труда, то ли просто результат некой «душевной конструкции»? Впрочем, я знаю очень многих людей, обладающих аналогичным свойством. Мне же оно было присуще с юности, бывало, в университете я могла месяцами «ничего не делать». Конечно, это понятие условно, потому что в эти периоды я пудами поглощала художественную литературу и другие ценности, может быть, тут только и формировала по-настоящему свой духовный мир, но к политэкономии в это время чувствовала живейшее отвращение, точнее

говоря — глубокое равнодушие. А потом — периоды интенсивнейшей работы по 14–15 часов в сутки и на огромном интересе. Вот и сейчас моя задача — как-то раскачать саму себя, заставить выйти из созерцательного настроения и взяться наконец за дела, которых масса.

...День мой рабочий прошел спокойно. Разобрала с Лизой Дюк накопившуюся почту — две большие папки. Кое-какие бумаги — просты, требуют одной резолюции, но другие заставляют размышлять и предпринимать достаточно сложные шаги. В числе бумаг — очередное информационное письмо ИСА о международном социологическом конгрессе. Кажется, подходит время браться за дело по-настоящему. Международный Венский центр снова напоминает о необходимости представления материалов для публикации в сборнике работ по нашему сельскому проекту. Сегодня совещались с Инной и Миленой Азарх, что и когда будем в этом направлении делать. Журнал «Экономика сельского хозяйства» сообщает, что включил в план мою статью «Место социологических исследований в изучении социально-экономического развития села», издательство «Статистика» пишет, что готово включить в план книгу, соответствующую моим творческим намерениям. Последнее очень кстати, поскольку мне хочется закончить новосибирский этап работы монографией (коллективной), которая представляла бы, с одной стороны, своеобразное продолжение нашей «Миграции сельского населения», а с другой — подведение итогов исследования 1972 г. А так как оба исследования — 1967 и 1972 гг. — мы проводили совместно с ЦСУ РСФСР, то я и думала предложить проспект этой книги именно «Статистике».

Около часа разговаривала со своим аспирантом Володей Дьяченко[61], который, кажется, начинает выходить на какой-то путь после почти двухлетних метаний и даже некоторого изменения темы. Чем черт не шутит, может, и будет диссертация в срок... Принимали экзамен в аспирантуру у Коли Нонкина, о котором писала тебе на днях. Поставили «4», отвечал неважно, но все-таки хочется взять его. Аспирантура заочная, и, наверно, для него не будет слишком большой беды, если я уеду в Москву.

Кажется, я уже писала тебе, что Турченко отказано в работе с прямым указанием на то, что Институт не намерен расширять социологического отдела. Сегодня получила еще одну информацию. Секретарь парторганизации В.Н. Щукин[62] официально заявил Инне, что дирекция не намерена предпринимать каких-

61. Дьяченко Владимир Николаевич (1948 г.р.) — кандидат философских наук (1975), в 1973–1978 — младший научный сотрудник Института истории, филологии и философии СО АН СССР.

62. Щукин Виктор Николаевич (1928–2011) — доктор экономических наук, с 1964 работал в ИЭиОПП СО АН СССР, секретарь партийной организации.

либо преобразований или перестроек социологического отдела. Иными словами, все наши соглашения с Абелом фактически оказываются «липой». Вплоть до того, что наша новая машинистка работает на временной ставке, пока Корель[63] в декретном отпуске, ставка же Любочки уже изъята дирекцией. Т.е. не только нет обещанного прироста кадров, но есть и их сокращение. Отношение к этому у меня двойственное. С одной стороны, откровенное нарушение соглашений дирекцией дает мне моральное право настаивать на отъезде. Более того, прием новых сотрудников создавал бы мне дополнительные моральные трудности, от которых сейчас меня любезно освобождают. С другой стороны, проявление плохого отношения, наверное, никогда не радует человека, все-таки сердце каждый раз сжимается. А тут еще неизвестность московской конъюнктуры! Свернуть работу в Новосибирске легко, попробуй разверни ее в Москве... От Руткевича по-прежнему ни слова, писать ему мне пока вроде бы не о чем, да и не хочется играть в кошки-мышки (еду — не еду — опять еду — опять не еду...). А выяснить свое отношение к ИСИ я могу только после встречи с Федоренко. Кстати, получила от него письмо с просьбой сообщить тему доклада, с которым могла бы выступить на отделении. Жаль, что тот мой доклад морально уже устарел, он был все-таки очень удачный, но он размножен и разослан много месяцев назад, не могу же я снова с ним выступать! Нужно будет как следует подумать...

Академгородок, 27 сентября 1973 г.

...Но сегодня много писать не могу, ибо чувствую себя очень неважно. Дело в том, что сегодня мы ездили на картошку. День оказался очень холодным, и ни на минуту не переставал мелкий дождь, так что все мы промокли до нитки, несмотря на все «непромокаемые» вещи. К концу дня дождь перешел в снег, подул сильный ветер, началась «метель», хотя и странно это звучит по отношению к снегу, который тут же тает. Сбор был в 8 часов утра, работать начали в 10 утра с часовым перерывом на обед. Около половины шестого был наконец дан отбой, нам разрешили сесть в холодные неотапливаемые автобусы, продержали в них час, потом «погнали» доубирать картошку, затем еще полчаса держали в автобусах и, наконец, полтора часа мы ехали домой. В результате, когда я вышла на Морском проспекте из автобуса, я не могла разогнуться от холода, буквально скрючилась, зубы выбивали мелкую дробь, просто жуть! Бегом побежали по домам, а Володя

63. Корель Людмила Васильевна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник ИЭиОПП СО РАН, автор работ по вопросам миграции сельского населения, социологии адаптации.

Дьяченко и Саша Шапошников (мой дипломник) зашли ко мне занять денег на магазин. Я предложила им выпить по стаканчику «доброго старого бренди», которое у меня случилось, что мы дружно и сделали. Сразу прекратилась «дробь» и стало очень весело. Потом они ушли, Оксана с огромным трудом стянула с меня резиновые сапоги, в которых ноги были как ледышки, а затем она напустила мне горячую ванну, в которую я с наслаждением забралась. Но, наверное, этих трех компонент — картошки, бренди и горячей ванны — оказалось все-таки малость слишком даже для моего здоровья, во всяком случае, из ванны я еле вылезла, бухнулась на постель и пролежала по меньшей мере час, прежде чем встать...

Академгородок, 29–30 октября 1973 г.

...Удивительная жизнь для меня настала. В жизни нашего сектора, кажется, никогда еще не было такого продуктивного периода. Все-таки это, наверное, не случайность, а закономерность: люди почувствовали, что «спина», за которой они скрывались, не так надежна, надо надеяться на себя, и вдруг стали выдавать такое, на что я право же не рассчитывала. По приезде в Новосибирск получила законченную метод. программу Вали Калмык по вопросам занятости сельского населения и трудовой мобильности — интересная работа. Вчера часа два беседовала со своим дипломником Сашей Шапошниковым, который изучает дифференциацию и структуру доходов сельского населения — и здесь выясняются интереснейшие закономерности, хоть садись и пиши статью. Сегодня — беседа с моей любимой аспиранткой Тамарой Антоновой. Какая умница, как работает голова! Представила методическую программу работы примерно на 50 стр., написано и грамотно, и свежо, и четко — готовая первая глава работы. Впереди у нее не так много времени — год и два месяца, но первая глава есть, методика готова, все расчеты произведены, таблиц имеется несколько сотен, думаю, что работа будет в срок. Она занимается личным подсобным хозяйством населения — очень богатая тема. И так далее, и тому подобное. Сектор управляем, послушен, не возникает никаких конфликтов, все прочно держатся друг за друга ради того, чтобы выжить как коллектив. Мне даже не приходится слишком уж часто ходить в Институт: все идет «само собой», и меня стараются не тревожить. Благодаря этому я кончила доклад с Мучником[64], который собираюсь в ближайшие дни выслать ему в Москву, а одновременно передать Аганбегяну, Штирмер на перевод и послать в комис-

64. Мучник Илья Борисович — ныне профессор Ратгерского университета, научный руководитель Школы и директор Отделения анализа данных.

сию Руткевича на цензуру. Прочитала первые 4 часа слушателям курсов повышения квалификации преподавателей политэкономии при НГУ. Говорят, интересно, и просят увеличить часы. Словом, только живи и живи...

...Без двадцати два. Пора заканчивать. Не написала десятой доли того, что хотела. А до сих пор не писала целых пять дней, потому что просто не было минуты, поверишь ли? Очень интенсивно работаю, и приходится многое подгонять за те периоды, когда меня не бывает. На стене висит список из 22 важнейших дел, которые следует сделать за время пребывания здесь, а крестики пока только против семи. Горе мне, горе!..

...визит к Марчуку, тем более что и рассказывать особенно нечего. Мне пришлось пойти к нему в связи с просьбой Венского центра о проведении осенью 1974 г. международной встречи по нашему проекту в Академгородке. Речь идет о 40 иностранных ученых из 22 стран, дирекция Института жмется, уж очень много это хлопот, а Президиум Академии напирает, потому что мы ведь платим взносы в Венский центр в рублях, и тратить их можно только на проведение международных встреч в СССР. Словом, пошла. Он сразу дал согласие на проведение этой встречи, но просил, чтобы Абел сходил к Лаврентьеву, ибо это — его компетенция. Затем спросил, как мои дела и что у меня нового. Я сказала, что после того, как он попросил меня подумать, я нарочно не заходила к нему с окончательным ответом, потому что не просто думала, а практически проверяла его вариант. Общий вывод получился все же неутешительный: долго жить на таких основах нельзя. Здесь у меня не совсем здоровая дочь, которую нельзя надолго оставлять одну, там — муж, жизнь которого не налажена и которому приходится жить то на одной, то на другой квартире. Словом, это — не решение. И я могу обещать твердо только одно — прожить в городке до конца 1974 года, когда примут определенное очертание результаты нашей коллективной работы, будут подведены некоторые ее итоги. После этого я должна уехать.

Марчук реагировал на мои слова, я бы сказала, как-то устало. Словно у него не было сил, да и большого желания спорить. Он сказал: «Ну что же, Вы понимаете, что силой задержать Вас никто не может. Мы ведь тоже люди, и все это понимаем. У Сибирского отделения к Вам одна только просьба: до осени 1974 г., когда Абел будет избираться в академики, никто не должен знать о Ваших намерениях. Любой слух о том, что Вы уезжаете, будет работать против него. Пройдет он в академики — Вы свободны. Не пройдет — ... Вы тоже свободны. Но пусть этот вопрос будет Вами поднят только по окончании выборов». Я согласилась, хотя, быть может, следовало бы сказать ему о том, насколько широко уже циркулируют слухи. По крайней мере, теперь, наверное, придется как-то их «усми-

рять», а как это сделать, когда эти слухи дошли уже и до Вашего института?..

Академгородок, 3 ноября 1973 г.

...Сегодня — суббота. А впрочем, не знаю даже, какой сейчас день, ибо на часах — полночь. Скорее уже воскресенье. Я люблю эти два спокойных дня, когда никто не имеет права меня тревожить всякими конфликтными ситуациями, вызывать на срочные и ненужные заседания, вмешиваться в мирное течение моей жизни. Целых два дня! Когда они впереди, кажется, что это — такое богатство, что так много полезных и славных вещей можно выкроить из этих 48 часов. А потом они так быстро проходят, и вот уже понедельник, и надо идти в институт, где ждет заявление об увольнении Лалетиной, и план рассаживания сотрудников по комнатам, и встреча с Абелом по специализации студентов, и требование об отчете сектора за год, и много-много подобной муры, от которой устаешь до полусмерти и от которой не пахнет наукой.

Но это еще далеко. Ведь воскресенье еще только-только начинается, и завтра, как и сегодня, — мое. Сегодня утром я хотела поспать в свое удовольствие, но не вышло: в 6 утра разбудила Оксана просьбой дать на дорогу денег. Встала, дала, а больше заснуть не смогла. В голове закрутилось множество мыслей то о вчерашней вечерней работе... то о каких-то других вещах. Долго еще пыталась заснуть, может быть, даже и задремала, но все-таки в 8 решила встать. Немножко убралась, позавтракала и пошла в косметический кабинет. Суббота — это единственный день, когда можно сделать такую вылазку, ибо в воскресенье они не работают. Провела там часа полтора, чуточку навела красоту, а то ведь тут никакой косметики нет в продаже, пустота просто вопиющая.

Вернувшись домой, села за работу. Вообще говоря, мне следовало заняться изучением переводов для написания теоретического раздела доклада по типологии комьюнити, который я делаю для Польши на основе доклада с Мучником на конгрессе. Но на конгресс доклад методический, главное в нем — применение «лингвистического метода», а в Польшу надо сделать социологический доклад, где главными были бы сами типы. Так вот, теория. Не очень люблю ее. Она представляется мне утомительной, и я начинаю ею заниматься, когда другого выхода нет. Поэтому замечание Абела о том, что мы «помешались на методологии», по существу, не очень оправданно. Вот и сегодня так получилось. Как только у меня появилась альтернатива — работать над определением понятия «комьюнити» применительно к советским условиям или посмотреть, как себя ведут демографические процессы в выделившихся типах поселений, как я немедленно предпочла второе, т.е. непосредственное познание действительности. Демографиче-

ские процессы дифференцировались блестяще, так что работать было приятно. Посчитала несколько табличек, а затем написала по их мотивам 10 страниц нового текста. Закончила эту работу в 8 вечера, как-то буквально «одним дыханием». И только тогда почувствовала, что устала. Оксана к этому времени ушла на свадьбу своей старинной подружки Ларисы, а я с полчасика полежала, а потом принялась за уборку квартиры. Исподволь я этим занимаюсь систематически, день за днем устраняя печальные результаты Оксанкиной самостоятельной деятельности (точней — бездеятельности) в период моего пребывания в Москве. Вот сегодня внесла основательный вклад: квартира стала достаточно чистой, ликвидированы и «невидимые глазу» завалы в стенных шкафах... Завтра надо будет вынести всякие ящики, мешки и т. п. мусор и перемести все полы в квартире. С линолеумом это — не проблема. И тогда будет просто хорошо. Не знаю... а я ощущаю свой дом как уютный, и, по-моему, он нравится людям... Если бы Оксана хотя бы немного помогала мне, а не только мешала, все могло бы быть очень легко. А то вчера, например, мне пришлось отвозить белье в прачечную на санках соседки с помощью Майки, ибо для меня такое занятие вовсе внове, я даже не знала, где расположена прачечная, а белья было почти 16 кг. Долго-долго собиралась его отвезти, просила Оксану, но куда там! А вчера отвезли, все оказалось близко и просто...

Академгородок, 8 ноября 1973 г.

...Хотя и с опозданием, поздравляю тебя с праздником, который, конечно, уже пройдет, когда ты получишь письмо. Писала тебе 4 ноября, но, кажется, не поздравила, потому что в моем сознании праздник не фиксировался именно как праздник, а воспринимался как 4 дня сплошной большой и спокойной работы. Именно так он и проходит. Вчера почему-то (первый раз за время жизни в городке) резко не захотелось идти на демонстрацию. Вообще-то она здесь не утомительна: до Института минут 5–7 ходьбы, полчаса толкаешься и болтаешь с сотрудниками и друзьями, потом 10 минут идешь по Морскому проспекту мимо своего дома, а затем — по домам. И погода хорошая — мягкая, но прочная зима с большими сугробами снега, плюс солнышко. Но вот не захотелось, хоть ты плач, и я не пошла. Сыграло свою роль то, что ни Майя, ни Инна еще с вечера решили не ходить. Но главное все-таки заключается в том, что я уже не чувствую себя членом этого коллектива, мысленно я где-то далеко, и это знаю я и знают другие. Словно я переоделась в чужое платье и пытаюсь выдать себя за кого-то другого, а именно за себя же прежнюю. В этом — фальшь, хотя внешне обмана и нет, и вот не смогла я пойти на этот очень неформальный в наших условиях праздник. Позавтракала и сразу села работать. Работала часов до 8 вечера, потом пошли с Инкой в кино на «Это сладкое слово — свобода!» (дрянь!), со второй серии ушли, пошли к ней домой

и занимались нашим совместным докладом часов до двух. И сегодня, и два остающихся дня я собираюсь плотно работать. Сочиняю третий доклад на конгресс, который будет совместным с Лященко и будет посвящен взаимосвязи социально-экономического и демографического развития деревни. Продолжаю работу с анализом демографии по мучниковским типам населений. За эти же праздники необходимо написать отчет о работе сектора за год, это тоже большая работа.

Накануне праздника я имела долгий разговор с Абелом по накопившимся делам. В том числе и сказала ему и о своих намерениях уехать в 1974 — начале 1975 г., поставив это в связь с теми делами, которые мы в этот момент обсуждали: специализацией студентов, подготовкой к конгрессу и т. д. Реакция его была похожа на Марчука, но с маленькой долей раздражения. Он сказал: «Ты знаешь мою позицию (а я как раз не знаю, п.ч. на предыдущем этапе у него было две прямо противоположных позиции), но это — вопрос компетенции Марчука. По этому вопросу ты должна говорить с Марчуком». Тут я вынуждена была сказать, что с Марчуком я уже говорила, и рассказать, что он мне ответил. Договорились вернуться к этому вопросу по прошествии выборов, т.е. в конце ноября — начале декабря 1974 г., а до тех пор коллективу ничего не говорить, пусть каждый соображает в меру своих мозгов. Договорились о том, что отдел останется, преемником моим будет Женя Антосенков, который к тому времени должен сдать докторскую (с 1 декабря он идет в творческий отпуск на 6 месяцев с этой целью). Я коротко поговорила об этом с Женей, не называя конкретных сроков, но твердо гарантируя свое пребывание в течение года, а там, мол, ничего неизвестно, но в принципе со временем все равно уеду. Он, по-моему, искренне обрадовался и готов помогать мне во всем, терпеливо ожидая часа своего торжества. Это — самая лучшая перспектива, потому что, если сохранится отдел, то может сохраниться и сектор, а научное руководство им я обеспечу. Вместо дикой ломки и катастрофы вопрос решится с минимумом потерь...

Академгородок, 9 ноября 1973 г.

...К сожалению, с Пашей дела обстоят нехорошо. Кажется, я уже писала тебе, что на партсобрании в Институте вопрос был поставлен лишь в общей форме — в смысле упоминания в отчетном докладе. После этого Паше дали возможность выступить и признать свои ошибки. Сделал он это неудачно, все восприняли его выступление как попытку самооправдания, самокритика в нем как-то не прозвучала. Было несколько выступлений о том, что Олдак выступил неудовлетворительно, тогда он еще раз попросил слово и уже действительно «посыпал голову пеплом», но общее впечатление осталось не лучшее. После этого все надолго замерло, работала лишь комиссия обкома, во главе которой стоит самый злейший из всех

Пашкиных врагов — д.э.н. Первушин[65]. До поры до времени ничего не было слышно. Но вот вчера, заехав ко мне за письмом... и имея внизу ожидающее его такси, Паша успел мне рассказать новости. В эти праздники к нему неожиданно (без предупреждения) приехала Галя. Он был растерян, но принял ее хорошо. Ей-богу, я не знаю, какие у него были планы, но просто он ее не ждал. Когда она приехала, то они походили кое-по-каким домам в гости, да Галя и сама без него походила по своим личным друзьям. И вот ей в довольно туманной форме было передано для него, что, мол, пусть Паша заранее готовится к самому худшему. Мол, на него готовится такое, чего не было ни по отношению к кому из замешанных в этом деле. Что же это может быть, если учесть, что Горбатенко и Митрофанов исключены из партии? Разве бывает что-либо худшее? И разве есть за ним столько вин, чтобы исключать его из партии? Пытаясь ответить на эти вопросы, я подумала, что, наверное, они замышляют не только исключить его из партии, но и лишить ученого звания профессора, а также докторской степени. Надо сказать, что это — вполне реально, ибо проштрафился он именно по этой линии, проявив себя как недостаточно компетентный и принципиальный человек. Последнее постановление ВАКа дает для этого полное основание. Теперь, имеют ли они такую возможность, в том смысле, что достаточна ли его вина? Боюсь, что имеют, ибо перечень его вин довольно широк и разнообразен. Он заключается в следующем:

1. Будучи членом совета, он участвовал в 4 заседаниях последнего. При этом выступил основным оппонентом по 6 диссертациям, темы которых не имеют к нему никакого отношения. Одна диссертация была полностью списана с популярной брошюры, другая просто была ниже критики, а еще четыре — между тройкой и тройкой с минусом. Еще на 7 работ он давал отзывы, все работы тоже слабые и не по Пашиной специальности.
2. Партийные органы горячо осуждают Пашку за его личную жизнь. Пока не было более значимых поводов для его осуждения, это оставалось в потенциале. Однако теперь они ему все припомнят. При мне лично первый секретарь Бурятского обкома КПСС Модогоев[66] сказал о нем Трофимуку[67]: «А Вы знаете, что этот мерзавец бросает уже четвертую жену?» На что Трофимук ответил: «И пятую бросит».

65. Первушин Виктор Александрович (1908–1991) — доктор экономических наук (1965), в 1967–1974 — ректор Новосибирского института народного хозяйства.

66. Модогоев Андрей Урупхеевич (1915–1989) — в 1962–1984 первый секретарь Бурятского обкома КПСС.

67. Трофимук Андрей Алексеевич (1911–1999) — доктор геолого-минералогических наук (1949), лауреат Сталинской премии первой степени (1946, 1950), академик АН СССР (1958), с 1957 по 1988 г. директор Института геологии и геофизики СО АН СССР.

Я сказала, что не четвертую, а третью, и не бросает, а временно они разъезжаются, но общее отношение их к нему было ясно. Причем откровенно говорилось о том, что, мол, мы же вот не бросаем своих старушек, хотя, может быть, этого и хотели бы, почему же ему все позволено? Думаю, что комиссия новосибирского обкома догадалась связаться с Бурятией для того, чтобы добавить нужные штрихи к Пашиному портрету. А буряты способны так дорисовать этот портрет, что никто из близких его не узнает.

3. С этим связано третье «преступление» Пашки — вся эта бурятская эпопея, которая действительно есть не что иное, как авантюра. Истрачено много государственных средств с практически нулевым результатом. Причем далеко не все эти деньги надо было тратить в силу производственной необходимости. Так и осталось непонятным, почему экономическую лабораторию следовало строить на берегу Байкала в 300 км от Улан-Удэ и в 40 км от ближайшей дороги, почему надо было ухлопать целый «газик» на преодоление этого бездорожья, и проч.

Словом, если захотеть, то можно его представить в достаточно черном свете. Собрание института, конечно, все равно его не исключило бы, хотя престиж его в коллективе в настоящее время чрезвычайно низок. Большая часть сотрудников не считает его ни за серьезного ученого, ни за приличного человека... Если станет хоть что-нибудь известно о новой его любви, то боюсь, что песенка его окончательно будет спета. Однако пока таких слухов не слышно, все держится в тайне... При чем тут распадение семьи? Просто временно живут в разных городах, но регулярно встречаются, ездят друг к другу...

Паша просил меня попытаться выяснить у Абела, что ему известно о готовящемся аутодафе. Абел уезжает в Москву завтра поездом, т.е. еще в пределах праздника, не выходя на работу. Дома у него я не была давно, и специально идти по такому поводу было бы как-то неадекватно, п.ч. он может вообще ничего не сказать. Это можно сделать только при случае. И вот я придумала попросить Абела бросить это письмо в Москве. Тогда я могу передать ему письмо, а заодно попытаться узнать о Пашке. Ужасно грустно выглядит Пашина судьба, по существу, начинается пора заката, хотя солнце и стоит еще высоко. Пора подводить первые итоги, а где они? Все разбито, все потеряно, и ничего не построено вновь. Плохо с работой, плохо с семьею, шатко и ненадежно с любовью. А теперь еще нависла угроза исключения из партии, а глядишь, и увольнения с работы, изгнания из Академгородка...

Новосибирск, 17 февраля 1974 г.

...Несмотря на все трудности, я честно продолжаю нести свою информационную службу, систематически сообщая тебе обо всем значимом в нашем Академгородке. Иногда мне кажется, что в этой исправности функционирования есть нечто общее с математическими маяками, устанавливаемыми на далеких планетах космонавтами из фантастических романов — ты знаешь, что это довольно частый мотив... Стоят себе такие маяки, установленные сотни, а то и тысячи лет назад и через каждые полчаса или час автоматически посылая сигналы, предназначенные для добрых людей. Ответа в этом случае и не предполагается. Правда, как повествует один из сборников, прочитанных мною уже в больнице, смотрители таких маяков часто сходят с ума... Что касается меня, то я пребываю в здравом уме и твердой памяти, никаких признаков ненормальности не обнаруживаю, кроме разве почти маниакальной уверенности, что в конце концов получу какой-нибудь ответ. Судя по тем же фантастическим романам, чудаки, твердо верящие в невероятное, в конце концов всегда торжествуют.

Впрочем, все это — сантименты, не имеющие отношения к функциям информатора-маяка. А поэтому — к делу. Отчитываюсь за период, прошедший с момента написания прошлого письма, т.е. за 6 дней.

Событие первое. В.П. Можин, первый замдиректора нашего института, секретариатом ЦК КПСС назначен НИЭИ Госплана РСФСР в г. Москве. По-видимому, через месяц–два эта семья покинет Академгородок. Для Володи это — хороший трамплин для последующей вертикальной карьеры. В науке он типичный середняк, наукой далеко не увлечен, звезд отнюдь не хватает. Докторскую защитил с большим трудом, по слухам — с помощью более талантливого помощника. Но он хороший организатор, имел большой опыт руководящей работы, три года пробыв первым секретарем нашего Советского райкома КПСС, «принят» у Лаврентьева и всей элиты городка, высоко ценится в обкоме. Здесь его считали весьма вероятным следующим кандидатом в членкоры, но, говорят, что в последнее время Абел уже начал несколько опасаться его возрастающего влияния в Институте. Ведь Абела две трети времени нет, другие замы в его отсутствие твердо проводят заданную линию, а Можин имел собственную и смело гнул ее, ручки управления стали выскальзывать из рук директора. Поэтому некоторые считают, что сам Абел и устроил эти «почетные проводы». Трудно сказать, не знаю. Ведь все эти годы они были самыми близкими друзьями, как мы с Инкой. Все праздники — вместе, охота — вместе, автомобильные путешествия — вместе... «Брат мой — враг мой?» Не знаю.

Так или иначе, но Володя уезжает. Не думаю, чтобы он долго задержался в этом Институте, формально имеющем первую категорию, но, разумеется, котирующемся не слишком высоко — ведь он — не академический. Важно то, что теперь Володя попал в номенклатуру ЦК КПСС, т.е. в колоду постоянно перетасовываемых карт. Как только где-то освободится место (скажем, уйдет Капустин[68] и т. п.), как начнут тормошить эту колоду, и вот тут-то выяснится, что достаточно сильный руководитель сидит во второстепенном институте. Так мне рисуется его перспектива.

Но дело не только и не столько в нем. Гораздо больше нас волнует вопрос о том, кто его заменит. Ощущение полной пустоты — такого человека нет. Поговаривают даже о Козлове. Если этот вопрос будет обсуждаться на бюро дирекции (конечно, будет!) и Абел предложит Козлова, я буду категорически против, и аргументировать буду открыто, не стесняясь его присутствием, узостью и косностью научных взглядов, социальной неграмотности, отсутствием широты, крайностью занимаемых позиций. Категорически откажусь ему подчиняться, вплоть до немедленного увольнения. Думаю, однако, что предвидя все это, Абел вряд ли на это пойдет. Кто же тогда? Просто не понятно. Пока теряемся в догадках. А ведь это — вопрос огромной значимости. Можин — не очень большой ученый, но вполне порядочный человек и к тому же убежден в необходимости социологии, важности социальных проблем (как секретарь райкома понял все это своею «шкурой»). Он — уравновешенный, доброжелательный, в меру сильный, чтобы держать институт в руках, в меру прислушивающийся к мнению нижестоящих, поддающийся убеждению. Жить с ним вполне можно было, так что все жалеют. Будущее же закрыто пеленой неизвестности.

Событие второе. На днях получила официальную бумагу из Президиума Академии с печатью и личной подписью Келдыша о том, что научным учреждениям АН СССР, за исключением расположенных в Сибири и на Дальнем Востоке, запрещается принимать на работу членов Сибирского отделения АН СССР без личного указания президента или первого вице-президента Академии. Как говаривали наши предки, «вот тебе, бабушка, и Юрьев день!». Собственно, разговор о необходимости согласования данного шага с президентом шел раньше, так что не в этом суть. Новое я вижу прежде всего в самом факте принятия такого постановления: он свидетельствует о том, что на данном фронте дела обстоят-таки даже плохо. По-видимому, количество членов Академии, стремящихся уехать, достаточно велико, что ставит под угрозу существование отделения.

68. Капустин Евгений Иванович (1921–2005) — доктор экономических наук, член-корреспондент АН СССР, директор Института труда (с 1965) и завкафедрой экономики труда МГУ (с 1966), директор Института экономики АН СССР (1971–1986), автор работ по проблемам уровня жизни и распределения при социализме, научной организации труда.

А резкое ослабление Сибирского отделения Академии, столь широко известного в мире, какую оно получит интерпретацию за рубежом! «Еще один эксперимент Советов провалился...»

Думается, что ближайшие месяцы будут малоподходящим временем для обращения к президенту по этому вопросу, как раз первых и будут сильнее всего «отшивать». Правда, говорят еще, что в мае будет юбилейная сессия Академии, в честь 250-летия, и якобы там Келдыша переизберут, п.ч. он сильно умственно болен: далеко зашедший склероз. Так что практически иметь дело придется с каким-то другим человеком. Кстати, по слухам, именно на этой сессии досрочно (по сравнению с обычным ноябрем) состоятся юбилейные выборы в Академию. Глядишь, Абела и выберут в академики, опять что-то изменится в расположении карт... И еще одно мне ясно: в нынешней ситуации я уже не смогу пойти к президенту с разговором о каких-то своих намерениях и ориентациях. У меня может быть только один аргумент — живущий и работающий в Москве муж. Все остальное уже не звучит. Что касается мужа, то, мне кажется, против этого аргумента спорить трудно. В конце концов дело самой семьи выбирать общее место жительства. Так что какого-то абсолютного препятствия к реализации наших жизненных планов я в этом постановлении не вижу, хотя относительное, наверное, есть. Разумеется, это никак не связано с вопросом о целесообразности того или иного решения, его желательности и своевременности. Просто внешняя ситуация рисуется мне сейчас примерно так.

Событие третье. Получила письмо от Тамары[69], свидетельствующее о том, что в институте экономики стоит такой же мрак, как и в ИСИ. Цитирую некоторые места: «Мы таки в аграрном отделе... Компания у нас неплохая, но нас окружают неандертальцы, как их правильно определяет Венжер[70]. В итоге последнего заседания отдела с повесткой дня «О выдвижении сотрудников на Доску почета» (!) — Люсю Синеву увезли в больницу с инсультом — отнялась речь и правая сторона. Кошмар! Но что делать? Работа в этом отделе требует крепкого здоровья, хорошей физической подготовки, закаленной нервной системы... Проф. Семин недавно поразил нас своим докладом о техническом прогрессе, где были и «синькхофазатрон», и волшебный луч «лазеер», и «инътяньсификация» и «буржуазные заправилы», к которым нужно относиться «ругательско». Всего не перечесть! Обстановка на редкость отвратная...

69. Кузнецова Тамара Евгеньевна — доктор экономических наук (1991), главный научный сотрудник Института экономики РАН, подруга Т.И. Заславской, в начале 1960-х годов работала вместе с ней в Институте экономики АН СССР.

70. Венжер Владимир Григорьевич (1899–1990) — советский экономист-аграрник, доктор экономических наук (1959), с 1939 — сотрудник Институт экономики АН СССР, автор работ по проблемам аграрной экономики.

С Черковцом[71] мы расстались без особого сожаления. У него — засилье подлецов и карьеристов, пустых никчемных людей. Бывший сектор политэкономии превратился в сборище каких-то монстров. Да ну их совсем, противно! При встрече расскажу о манипуляциях нового директора. Жук — пробу негде ставить. Как надоела скользота, ненадежность всего. Долго ли так будет? Ощущение, что все к лучшему изменится, постепенно проходит. Привыкаем».

Как видишь, и мой родной Институт, который я когда-то любила, превратился в такое болото, такой ужас, что трудно даже помыслить о возращении туда. Здесь в Сибири — сосновый лес и чистый воздух, дышится легче, мало выхлопных газов и пыли. И легкие уже привыкли к этому, в Москве мы все быстро устаем. Не то же ли с психологическим климатом? Какие бы трудности мы ни испытывали с ограниченным и тупым Козловым, но все же каков климат в нашем Институте? Хорош и заслуживает поощрения тот, кто много и продуктивно работает, кто придумал и реализовал новую модель, решил сложную научную задачу, блеснул книгой или научным докладом. Хороши — талантливые, яркие, остроумные или глубокие, фундаментальные ученые, плохи — пустобрехи, вертуны, «воображалы», не имеющие ничего за душой. Хорошо — писать и печататься, плохо — годами не давать трудов. Хорошо — говорить новое, свое, плохо — повторять зады за другими. Хорошо — знать языки, много читать, быть на уровне мировой науки, плохо — не видеть дальше собственного носа. Плохи две крайности в идеологической области: «крайняя левизна», за которую дают по шапке не только тебе, но и всему Институту, и догматизм, доктринерство, косность. Хороша середина, но ближе к левому краю: стараться говорить новое и разумное, оставаясь на гране допустимого и не вызывая огня на себя и товарищей. Все эти принципы или нормы — разумны, не вызывают возражений, и жить в таком мире в общем не плохо. Это все равно что дышать кислородом, попросту не замечая этого. И только когда читаешь о том, как живут люди в других местах, просто мороз пробирает по коже: ведь это — без воздуха, без науки, без всякого движения вперед, по уши в интригах, мелких, поганых, ведь — это задохнуться, умереть для науки. Бедные москвичи, которые и не видели другой, более нормальной жизни, как-то привыкли, стерпелись, словно их легкие сжались в комочек и требуют мало воздуха. Но мы, здоровые, сильные, привыкшие «дышать» в науке полной грудью, говорить полным голосом, что считаем нужным, нам просто не прожить в этой атмосфере, не удержаться... Если же удержаться, то только ценой адаптации, т.е. перерождения.

---

71. Черковец Виктор Никитич (1924 г.р.) — доктор экономических наук (1966), заместитель директора по научной работе Института экономики АН СССР (1972–1981), заведующий отделом общих проблем политической экономии социализма и сектором системы экономических законов и категорий социализма (1972–1984).

Все это только размышления, а отнюдь не категорические суждения. В них — страх перед общественной наукой Москвы, слишком близкой территориально от Старой площади, слишком вымуштрованной и выхолощенной. (Вот на какие длинные размышления навело меня Тамарино письмо!)

Событие четвертое. В связи с реформированием сектора бюджета времени (во время сокращения штатов) и возвращением Люды Борисовой из ЭКО к нам обратно, мой сектор увеличился до астрономических размеров. Сейчас в нем (включая и меня) 8 кандидатов наук, плюс Соболева, защитившаяся, но не утвержденная, и Хахулина, сдающая диссертацию на защиту, человек 7 м.н.с. со своими темами, 4 аспиранта, а всего... 34 человека!!! Для сравнения: у Антосенкова 13, в том числе в Институте 9 и на хозрасчете 4, у Малинина, соответственно, 14, 9 и 5. А у нас хозрасчетных только двое (пришли с Артемовым), а 32 — в штате Института. Иными словами, Абел выполнил все взятые на себя обязательства. Сейчас нас в Институте «любят», т.е. хвалят, приводят в пример, не цепляются при всяком удобном случае, как бывало. Жить стало много-много легче. А какой огромный, сильный и слаженный коллектив! Ведь все эти люди знают друг друга по многу лет, уже притерлись. Многие не хватают с неба звезд, но почти все — добросовестны, квалифицированы, а сейчас особенно жмутся друг к другу, ни на минуту не забывая об опасности «разгона» в случае моего отъезда. Боюсь сглазить, но после «трагических событий» мая прошлого года управлять и отделом и сектором стало в несколько раз легче. Иногда я ругаю себя за то, что действовала неумело, не политично. Вот Можин: до принятия решения секретариатом ЦК о его отъезде не знал ни один человек, разве только кроме Абела. А потом сразу преподносится готовое и не подлежащее обсуждению решение. И слухи минимизированы. А у меня все было прямо наоборот. Но если судить по результатам, то ей-богу жалеть тут, кажется, не о чем. Люди стали работать серьезней. Много радости я сейчас получаю и от аспирантов (особенно от Тамары Антоновой и Коли Нонкина, хотя и Лиза Горяченко[72] не хуже), и от дипломника, и от многих сотрудников. Читаешь готовые тексты и чувствуешь: толково, интересно, свежо. Многие вещи, особенно по личному подсобному хозяйству, интересны до ошеломления, потому что до сих пор были неизвестны, никто этих закономерностей просто не изучал. Например, кто бы мог предположить, что участие работников в управлении производством и в общественных организациях возрастает в прямой пропорции с размерами л.п.х., и в группе «наиболее хозяйственных» мужиков примерно вдвое выше, чем среди бесхозяйных? Честно говоря, я ждала обратной зависимости, думала, что люди, уткнувшиеся в свое хозяйство, оторваны от об-

72. Горяченко Елизавета Евгеньевна (1945 г.р.) — кандидат экономических наук, с 1967 работает в ИЭиОПП СО РАН, специалист по вопросам развития сельских поселений и местного самоуправления.

щественных дел, индивидуалисты, а бесхозяйные — активисты. Ан глядь, в жизни-то все наоборот, и это, конечно же, проливает новый свет на природу л.п.х. — этого последнего клочка крестьянских хозяйств в современной модернизированной деревне...

А тут хорошо. Нет, (правда) сначала мы все ехали из Москвы сюда не более чем на 3 года. Все рассуждали так: ну что — три года, пройдут они быстро, попробую, рискну, а не понравится — уеду. Лемешев действительно уехал через 3 года, а больше — никто не уехал быстро. Да и до сих пор из первоначального коллектива сохраняется, думаю, процентов 70–75. А бронь продляется и продляется, и потому на сердце спокойно, ну если что-нибудь будет не так, собрался, да уехал в Москву...

Новосибирск, 8 апреля 1974 г.

...В настоящее время жизнь моя носит крайне односторонний характер. Вернувшись в Новосибирск, я, конечно, застала целую прорву дел, ждущих моего вмешательства. В течение ближайших трех месяцев, точнее, даже двух с половиной, мне предстоит сформировать, отредактировать и сдать в печать 3 сборника по 20 п.л., подготовить доклад местным органам по результатам исследования деревни, сделать «общесоюзный доклад» по материалам рабочей комиссии, написать в общей сложности в разные сборники более 10 п.л. статей, выпустить дипломника, вести четырех аспирантов, принять участие в двух конференциях (нет, в трех! — в Новосибирске, Целинограде и Москве) в общем собрании Академии, читать студентам новый для меня спецкурс. «Глаза боятся, а руки делают», по этому принципу я и живу. Работаю, просто не разгибаясь, скоро опять стану валиться от усталости. В субботу и воскресенье за 2 дня носа не показала на улицу. Зато за воскресенье (с 11 утра до 2 ночи) полностью сделала большую статью с Лященко по демографии. Основу статьи она смонтировала сама частично из своих, частично из моих материалов, но все же 14 страниц пришлось написать заново, или полностью переписать, а остальное — густо отредактировать. Получилось, по-моему, просто здорово.

Сегодня написала развернутый проспект книги на ту же тему для издательства «Статистика» — той, о которой шел разговор с Мучником. Думаю, что с двумя такими помощницами, как Лященко и Горяченко, к концу года мы книгу сделаем.

В пятницу редактор издательства «Наука» показала мне наконец сигнальный экземпляр нашей книги «Методологические проблемы социологического исследования мобильности трудовых ресурсов». В ней — 22 п.л., редакторы — мы с Инной, своего текста у меня в ней 2,5 п.л., и в соавторстве с Инкой — еще 4 п.л. Книга кажется мне очень-очень интересной. Бумага хорошая, вид солидный, а переплет — хуже некуда, просто ужасный. Ядовитого синего цвета

картонный с заглавием, набранным типографским шрифтом. То ли «Боевой устав пехоты», то ли «Телефонная книга». Жуть! У нас ведь типографские книги выходят вовсе не так уж часто, так что это теперь — «валюта» года на два, материал для подарков и для обмена. А дарить-то и стыдно. Договариваемся с дирекцией, что хотя бы на 200 экз. будут сделаны суперобложки. Через некоторое время надеюсь подарить тебе именно такой суперированный экземпляр. Кстати, помещенная в этой книги наша с Инкой статья о методах программирования социологического исследования могла бы быть тебе интересной. Здесь она еще в машинописном варианте давно уже стала настольной (статьей?) для многих и многих. В Новосибирском филиале Института труда ее, например, размножили на ротапринте и устроили по ней семинар, отнюдь не спрашивая разрешения у авторов. А впрочем, что можно на это сказать? Приятно, что что-то, делаемое тобою, оказывается по-настоящему нужным людям. Недавно Антосенков звонил, спрашивал, где достать статью, постоянно спрашивают аспиранты. Тебе же, как человеку с методологической ориентацией, это может быть интересно. У меня даже есть идея подарить экземпляр Щедровицкому[73]. Ведь этот сборник был когда-то задуман еще М.А. Розовым[74], а сделан в конце концов уже нами. Он очень самобытен и, наверное, где-то все же несет на себе отпечаток «щедровитянства»...

Новосибирск, 10 апреля 1974 г.

...Скоро Майя отправляется в путешествие в столицу, и я хочу заранее тебе написать. Только что вернулась с Оксаной с концерта Владимира Шубарина[75]. Впечатление хорошее, светлое. Молодость, изящество плюс талант, все это не может не радовать. Очень понравилась и его жена, которая вела концерт, читала собственные стихи и исполняла акробатический этюд на весящем достаточно высоко кольце. Все это она делала хорошо, мне же больше всего понравилось, как она вела концерт и как она любила мужа. Концерт вела необыкновенно свободно, непринужденно, нестандартно, свободно импровизируя беседу

73. Щедровицкий Георгий Петрович (1929–1994) — философ и методолог, общественный и культурный деятель, в 1952–1989 руководитель междисциплинарного семинара по исследованию систем, автор работ по методологии познания.
74. Розов Михаил Александрович (1930–2011) — доктор философских наук (1990), профессор, с 1958 преподавал в вузах Новосибирска, в 1967–1970 — старший научный сотрудник, заведующий сектором методологии и методики социологических исследований ИЭиОПП СО АН СССР, руководитель новосибирского методологического семинара, автор работ по теории познания и философии науки.
75. Шубарин Владимир Александрович (1934–2002) — советский эстрадный танцовщик и певец 1960–1980-х годов, заслуженный артист РСФСР (1960).

с залом. А любила его (и любит, конечно) не напоказ, а просто нутром, просто светилась, когда о нем говорила, и это — при полной внешней сдержанности. Очень приятное, доброе впечатление...

Вчера мы тоже были в Доме ученых, хотя у меня и был день рождения. День этот оказался очень рабочим и трудным. С утра готовились к очередной лекции, потом — в 4 часа — читала ее, а в 6 часов мы устроили маленькое «празднование» в моем рабочем кабинете. Собралась большая часть сектора, человек 20–25, я принесла несколько бутылок вина, купила 2 торта, конфеты, фрукты, еще у меня было 2 банки красной икры — все пошло в ход, и даже осталось. Тепло прошел этот час, хотя и без всяких пышных слов. Подхалимство у нас не водится, а говорить добрые слова начальству в глаза, да еще при собственных товарищах — неудобно.

Много было шуток, конечно, о «потенциальной миграции», пожеланий долгой жизни на сибирской земле, все это совершенно понятно. Вспоминали, как я последний раз ездила вместе со всеми в экспедицию, и, к ужасу моему, обнаружилось, что было это... в марте 1967 года. Семь лет я не была в деревне, о которой толкую с высоких трибун. Это, конечно, не украшает.

Ну вот, словом, посидели, повспоминали, а потом разбежались, потому что к 8 часам почти всем надо было в кино: в Доме ученых шел фильм «Калина красная». Было и у нас заготовлено 6 билетов для Майки, Инны, Оксаны, меня и Иры Черемисиной с Клистириным (женихом). Фильм оказался действительно необыкновенным. Такое ощущение, что цельный кусок вырван, вырублен из самой жизни и весь живой, с кровью и соком, предстал перед нами на экране. И это в условиях, когда фильм весь изрезан, от него осталась, кажется, половина. Говорят, что еще сравнительно недавно в «Кинопанораме» по телевизору говорили о том, что в фильме 2 серии. Оказалась одна, хотя необычно длинная — почти полных 2 часа, что само по себе подозрительно. Ну и очень уж много «нестреляющих ружей», которые просто даже непонятны. Какой-то рыдающий за деревенским праздничным столом интеллигент, о котором шепотом передается какая-то информация вдоль стола... Эта информация так и остается неизвестной зрителю, и что это за человек, и зачем он был в фильме, мы так и не знаем. А ведь для чего-то он нужен был Василию Шукшину[76]? И так во многих-многих местах. Понять цензоров можно, по-видимому, изъятая часть фильма в основном освещает жизнь в лагере, а это для нас — слишком экзотическая тема... Представляю себе, с каким чувством должен смотреть этот изуродованный фильм Шукшин, который знает все, что вырезано. Ну а мы, простые люди, смотрим все равно так, как будто живем. Потому что с экрана дышит Правда... Со временем с удоволь-

76. Шукшин Василий Макарович (1929–1974) — кинорежиссер, актер, сценарист и писатель.

ствием посмотрела бы «Калину красную» еще раз, но для этого надо отойти на какое-то расстояние от первого сильного впечатления...

После кино ко мне пришли Майя, Инна, Валя и Май Калмыки, Паша и Галя Олдаки, Таня Черемисина. Я накрыла более чем скромный стол с единственной бутылкой мускателя, но просидели до часа ночи, и тоже было очень тепло. Близкие люди с огромным «стажем» отношений, хороших, плохих, различных, но все же выдержавших многие испытания. Валя и Паша подарили мне мягкого игрушечного льва, который, по утверждению Вали, является украшением для постели. Он действительно какой-то интимный, но у меня здесь постели нет, а есть тахта, которая днем превращается в обычный диван или, во всяком случае, сиденье. Так что лев пока стоит на шкафу. Майка с Инкой подарили деревянную шкатулку, к которым (шкатулкам) я имею пристрастие. Еще не надумала, что в ней хранить, а скорее всего — мелкую косметику. Таня Черемисина перепечатала в подарок тетке неизвестные мне ранее стихи Ахматовой и Цветаевой, я только раскрыла и так и стала читать, уж больно хорошо! Но тут зазвонил телефон, срочно туда, еще срочнее сюда, отложила, и разве только сегодня смогу немного еще почитать. Ну да ладно, хватит об этом. Какие чувства могут нас волновать во второй половине XX века и во второй половине собственной жизни? Пора, наверное, собираться с ярмарки, а не подрисовывать глазки... Вот только что делать с тою энергией, которая где-то лежит запасом и просит выхода? Зажать ей рот? Накинуть пуховик и «пригнетать долу», как пригнетали царевича Алексея? Что же, может быть даже и так. В нашем царстве порядка все, что мешает работать на благо общества, должно быть уничтожено. В том числе и стихийные не планируемые чувства, ведь ясно же, что они снижают производительность труда...

Стараясь не допустить столь печального результата, я работаю довольно усердно. Прочитала и отрецензировала 2 статьи, написанные Володей Дьяченко для наших сборников, прочитала и написала замечание по первому варианту диплома Шапошникова, прорецензировала 3 работы, представленные на конкурс молодых ученых, разобралась с состоянием дел по каждому из трех подготавливаемых нами сборников (методологический и предметный по деревне, плюс сборник докладов на конгресс). Остается еще неоглядная гора дел: из 35 по списку сделаны пока 12. И какие дела! Сдать в машинку статью по мотивам проекта на 4 п.л. — это все один-единственный крестик! В этих условиях просто не остается ничего другого, кроме как сидеть, не разгибаясь, и бороться — бороться за новые крестики. Вот завтра отдам подробные замечания и указания Володе и Саше, и какое-то удовлетворение все-таки испытаю, потому что знаю, что очень нужна обоим. А вот Нонкин и Антонова что-то не кажут глаз. Видимо, тоже пишут статьи в сборники. Что же, раньше или позже, а все равно объявятся, и снова надо будет читать и... писать.

Сейчас самые неотложные дела у меня такие: завтра выступление перед слушателями ВПШ в числе ведущих ученых нашего института (45 мин. надо подумать, о чем трепаться), 18 апреля — доклад на научно-практической конференции, проводимой СО АН СССР под лозунгом «Наука — сельскому хозяйству». Открывает Марчук, затем — доклад секретаря обкома, затем — академик Беляев[77] (генетика) и последний пленарный доклад мой. Должен был выступать Можин, но он уехал, и в последнюю минуту попросили его заменить. Нельзя отказаться, хотя все это нужно мне как вчерашний снег. До сих пор не написала тех нескольких страничек «постановки вопроса», о которых просил Калинкин. Может быть скандал. Надо. Хотела написать и отправить с Мишей, но не успела, не смогла. Лежит диссертация из ВАКа, назначенной которой срок перерасходован на полтора месяца. Лежит монография Гаврильца[78] из изд-ва «Экономика», которую я обещала отрецензировать не позже чем за месяц. К 15 апреля надо послать тезисы доклада в Госстрой на совещание, проводимое ими в мае.

Это — то, что буквально «держит за горло». А в чуть более дальней перспективе — 3 больших статьи, которые я должна сдать в наши сборники — одна своя, одна с Инной и одна с Горяченко. Это все — до середины мая, иначе к концу июня сборники не сверстаем.

Так я живу. Скорее хорошо, чем плохо. С ощущением пусть медленно, трудно, натужно, но продвигающегося большого дела. Рядом работают и пишут люди, которые учатся у меня. Студенты, аспиранты, сотрудники. Есть отдача. Володя написал такую статью в методологический сборник, что у меня практически нет никаких замечаний. «Се речь не мальчика, но мужа». А что было на более ранних этапах, страшно вспомнить, дикая путаница в мозгах. Теперь вынырнул. Главное ощущение от статьи — глубина и ясность. А сколько там чьего труда, об этом можно не говорить. Инна говорит, что в основном — ее идеи, я вижу свои, но в действительности все это — его, если он сумел по-настоящему переплавить разнородные идеи в прочный единый сплав. Встал парень на ноги в науке, да вот беда — поздновато, срок в декабре кончается, вряд ли успеть ему написать диссертацию. Публикаций будет, наверное, пять, а диссертацию не закончит. И сможем ли мы взять его на работу? Откуда взять ставку? Просто не знаю.

Ну вот, уже снова почти час ночи...

---

77. Беляев Дмитрий Константинович (1917–1985) — доктор биологических наук (1973), академик АН СССР (1972), в 1959–1985 — директор Института цитологии и генетики СО АН СССР.

78. Гаврилец Юрий Николаевич (1934 г.р.) — доктор экономических наук (1972), в 1964–2008 — профессор экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заведующий Лабораторией экономико-математических методов Центрального экономико-математического института РАН.

"... I am pressed for time now" (Letters of Tatiana Ivanovna Zaslavskaya of 1972–1974)

T.I. Zaslavskaya

Galina I. Reprintseva, PhD (Pedagogy); for more than 40 years, she was conducting research at the Russian Academy of Education, in particular in the Laboratory of Social-Pedagogical Issues of Family Relations at the Institute of Social Pedagogy; for the achievements in the field of pedagogy, she was awarded the medal of K.D. Ushinsky. E-mail: 1946gir@mail.ru

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Head of the Chayanov Research Center, MSSES. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

The letters of the academician Tatyana Ivanovna Zaslavskaya (1927–2013) describe her life in Novosibirsk and her work at the Institute of Economics and Organization of Industrial Production of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences (currently the IEOIP SB RAS). These letters present a chronicle of thoughts and feelings of T.I. Zaslavskaya about problems and conflicts in the Soviet science, about paradoxes of economics, culture, education, and everyday life of the Soviet society in the first half of the 1970s. In these letters, T.I. Zaslavskaya's assessments and characteristics of her contemporaries — colleagues in science, politicians, figures of art and culture — are of particular interest. The letters also reveal the identity of their author — a strong and talented woman, hardworking and cheerful, curious and friendly, tender and vulnerable, keenly feeling injustice and rudeness, falsehood and stupidity. The addressee of these letters is a friend of T.I. Zaslavskaya — Yuri Efimovich Sokolovsky (1927–1984) — PhD (Pedagogy), Associate Professor of the Moscow State Institute of Culture, a Cultural Studies scholar, true expert in the historical-cultural heritage of Moscow, prominent researcher of the psychological-pedagogical issues of the artistic creativity and of the organization and development of rural and urban cultural-educational institutions. The letters were provided for publication in the *Russian Peasant Studies* by G.I. Reprintseva, the widow of Yu.E. Sokolovsky. The letters were edited and commented by G.I. Reprintseva and A.M. Nikulin.

Keywords: Zaslavskaya, Soviet society, science, sociology, economics, culture, Academy of Sciences, Novosibirsk, Moscow, rural Russia